

**АВСТРИЙСКАЯ
ШКОЛА**

25
выпуск

Мюррей РОТБАРД

**ИСТОРИЯ
ДЕНЕЖНОГО
ОБРАЩЕНИЯ
И БАНКОВСКОГО
ДЕЛА В США**

Мюррей Ротбард
История денежного обращения
и банковского дела в США.
От колониального периода
до Второй мировой войны
Серия «Австрийская школа», книга 25

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54969838

История денежного обращения и банковского дела в США. От колониального периода до Второй мировой войны: Социум; Москва; 2020

ISBN 978-5-91603-682-4

Аннотация

Автор исследует периоды инфляции, банковские паники и крушения денежных систем в Америке с колониальных времен до середины XX в., показывая, что причиной почти всех крупных экономических катастроф в американской истории является систематическое и целенаправленное стремление государства расширить инфляционный потенциал банковской системы, в конце концов приведшее к нынешнему бумажно-долларовому стандарту (коллапс которого еще впереди). Автор извлекает на свет финансовые интересы и идеологию деловой элиты на разных

этапах формирования банковского сектора США, выявляет связи мотивов и планов, зачастую тайных и окольных, с результатами, которые порой оказываются трагическими. Особенно подробно разбираются взаимоотношения (борьба и сотрудничество) между двумя крупнейшими группировками американского бизнеса Морганов и Рокфеллеров. Никогда еще история денег и банков не была написана с такой теоретической мощью и риторическим блеском.

Содержание

Предисловие	6
Часть I	60
Манипуляции с шиллингом и долларом	64
Государственные бумажные деньги	67
Банкноты частных банков	75
Финансирование войны за независимость	79
Банк Северной Америки	84
Соединенные Штаты: биметаллизм	89
Первый банк Соединенных Штатов: 1791– 1811	94
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Мюррей Ротбард
История денежного
обращения и банковского
дела в США. От
колониального периода
до Второй мировой войны

Murray N. ROTHBARD

A History of Money and Banking in the United States
The Colonial Era to World War II

© Ludwig von Mises Institute, 2002

© А. В. Куряев, перевод, 2005

Предисловие

В этой книге Мюррей Ротбард рисует нам всеобъемлющую картину истории денежного обращения и банковского дела в США с колониальных времен до Второй мировой войны, причем это первое в таком роде сочинение, сознательно опирающееся на теорию и методы австрийской теории денег. Но даже помимо того, что изложение исторических событий здесь дается через призму австрийской экономической теории, эта книга не похожа на массово издававшиеся в последние четверть века стандартные работы по экономической истории, проникнутые позитивистскими идеями «новой экономической истории», или «клиометрики». Для этого подхода, который в наши дни полностью доминирует в области изучения истории экономики, характерно использование мощного статистического инструментария для количественного анализа экономических фактов. Отличительная особенность подхода Ротбарда заключается в его трактовке экономических фактов и процессов как уникальных и сложных экономических событий. В соответствии с этим он использует законы и принципы, сформулированные в экономической теории и других дисциплинах, для того, чтобы установить связь между исследуемыми им событиями и их первоисточником – целями и ценностями соответствующих исторических персонажей. С точки зрения Ротбарда, при интер-

претации неповторимых исторических событий можно опираться на экономические законы, потому что действенность этих законов – или, лучше сказать, их истинность – может быть надежно обоснована с помощью праксеологии – науки, основанной на представлении о всеобщности логики человеческого действия, которая логически предшествует конкретным историческим эпизодам¹. Именно в этом смысле допустимо утверждение, что экономическая теория – априорная наука.

Полной противоположностью этому является подход представителей новой экономической истории, для которых история – это лаборатория, в которой осуществляется непрерывная проверка экономической теории. Количественные экономические показатели, относящиеся к разным историческим датам, рассматриваются как однородный эмпирический материал, полученный в контролируемом и повторяемом эксперименте. На основании этих фактов осуществляется статистическая проверка гипотез относительно причин таких классов событий, как, например, инфляция или финансовые кризисы. После чего гипотезы, в наибольшей степени соответствующие этим данным, принимаются в качестве причинного объяснения класса изучаемых явлений, так

¹ О праксеологии см.: Людвиг фон Мизес, *Человеческая Деятельность: трактат по экономической теории*, Челябинск: Социум, 2012, с. 5–70; Murray N. Rothbard, *The Logic of Action I: Method, Money, and the Austrian School* (Cheltenham, U. K.: Edward Edgar, 1997), pp. 28–77; Hans-Hermann Hoppe, *Economic Science and the Austrian Method* (Auburn, Ala.: Mises Institute, 1995).

что остается только ждать, когда в будущем появятся новые данные, которыми нас постоянно обеспечивает разворачивающийся исторический процесс, и станет возможен следующий этап проверки адекватности этих гипотез, и т. д.

Один из пионеров нового подхода к экономической истории нобелевский лауреат Дуглас Норт следующим образом описывает свой метод:

Невозможно заниматься анализом и объяснением проблем, поднимаемых в экономической истории, без выдвижения исходных гипотез и их проверки на соответствие имеющимся фактам. Источником исходных гипотез является совокупность развитых в последние 200 лет экономических теорий, которые проходят постоянную эмпирическую проверку и, соответственно, уточняются. Источником надежных фактов и инструментом тестирования теории является статистика. Пределы исследований диктуются наличием соответствующей теории и эмпирических фактов... Фактами, в идеальном случае, являются статистические показатели, точно характеризующие и измеряющие подвергаемые проверке явления².

Стремление Норта и других распространить позитивистскую методологию на область экономической истории немедленно сталкивается с двумя проблемами. Прежде всего, как подчеркивает сам Норт, этот подход резко сужает

² Douglas C. North, *Growth and Welfare in the American Past: A New Economic History* (Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1966), pp. 1–2 (курсив автора).

круг доступных для исследования проблем экономической истории. Вопросы, которые не поддаются количественной оценке или не могут быть охарактеризованы с помощью статистических данных, отодвигаются на второй план или вообще игнорируются. В результате новые экономические историки предпочитают отвечать на следующие вопросы: каков чистый вклад железных дорог в ВВП США? Или: как повлияло создание Федеральной резервной системы на стабильность уровня цен или на объем производства в неизменных ценах? Куда менее вероятно, что они зададутся, скажем, вопросом о том, что побудило правительство передать железнодорожным компаниям громадные участки земли или добиться принятия закона о Федеральном резерве.

В целом в клиометрических работах уделяется мало внимания вопросу «*Cui bono?*» или «Кому выгодно?», потому что для ответа на него приходится использовать данные о целях и мотивах, данные исключительно субъективные, не допускающие измерения или квантификации. Сказанное не отрицает того, что новые экономические историки стремились объяснить *ex post*, т. е. фактическое, распределение совокупного дохода, ставшее результатом институциональных или политических изменений. Но их метод препятствует выявлению *ex ante*, т. е. намечаемых, задач, а также представлений о самых действенных методах достижения поставленных целей, ради которых, собственно, конкретные исторические персонажи и добивались перемен, имевших резуль-

татом перераспределение совокупного дохода. Однако в результате пренебрежения такого рода вопросами сами количественные данные оказываются необъясненными. Причина в том, что институты, вносящие вклад в их формирование, такие как железные дороги или Федеральный резерв, представляют собой сложный результат целенаправленных действий отдельных личностей или групп людей, стремившихся так или иначе достичь определенных целей. Таким образом, новая экономическая история не является историей в традиционном смысле, т. е. попыткой «понять» мотивы, стоявшие за возникновением экономических институтов и процессов.

Еще одним и более фундаментальным недостатком новой экономической истории является устанавливаемое ею соотношение между историей и теорией. Для Норта история – это источник «эмпирических фактов», в идеальном случае – «статистических данных», на которых проверяется истинность экономической теории. Это означает, что обоснованность любой теоремы всегда под вопросом, она считается истинной лишь постольку, поскольку в предыдущих эмпирических проверках ее не удалось опровергнуть. Но из этого следует и необходимость постоянно осуществлять пересмотр экономической истории, потому что сама теория, установившая причинно-следственную связь между историческими событиями, в любой момент может быть опровергнута новыми фактами, появляющимися в ходе исторического процесса. Иными словами, то, что новые историки эконо-

номики называют «глубинной связью между измерением и теорией», на деле оказывается порочным кругом, в котором вязнут все попытки дать чисто позитивистское истолкование истории³. Потому что если теория, используемая для истолкования прошлых событий, всегда может быть объявлена несостоятельной на основании будущих событий, возникает неясность относительно роли теории в историческом исследовании – является ли она *explanans* или *explanandy* объясняющей или объясняемой.

Согласно подходу Ротбарда к истории денег на первом месте не измерение, а мотивы. Когда установлены цели действующих лиц и их представления о приемлемых методах достижения этих целей, автор обращается к методам экономической теории и других дисциплин, чтобы наметить влияние этих действий на сложные исторические события и процессы, которые находят лишь частичное и неполное отражение в статистических данных. Это не означает, что Ротбард игнорирует количественные аспекты истории денежного обращения. Напротив, его книга изобилует данными о денежной массе, о ценах и объемах производства, но эти данные им привлекаются только для характеристики мотивов, которые принимали участие в их формировании. Для Ротбарда конкретная цена является *историческим событием* не в

³ Robert William Fogel, “The New Economic History: Its Findings and Methods,” in *The Reinterpretation of American History* (New York: Harper and Row, 1971), p. 7. [См.: Роберт Фогель. Новая экономическая история: ее данные и методы // portalus.ru.]

меньшей мере, чем испано-американская война, и он полагает своим долгом выявить субъективные цели, ради которых разрабатывались планы и принимались решения.

Решительно отвергнув позитивистский подход к экономической истории, Ротбард принимает метод исторических исследований, впервые сформулированный Людвигом фон Мизесом. Разрабатывая этот метод, Мизес первым очертил правильное соотношение между историей и теорией. Большой заслугой Ротбарда в этой и в написанной ранее книге «Великая депрессия в Америке» является то, что он первым последовательно применил этот метод к изучению экономической истории⁴. Есть ряд причин, оправдывающих краткое изложение этого метода в данном предисловии. Во-первых, работы Мизеса о надлежащем методе исторических исследований по необъяснимым причинам игнорируют даже те, кто усвоил развитый им праксеологический подход применительно к экономической теории⁵. Во-вторых, знакомство с методом Мизеса проливает свет на источник и природу характерной особенности исторических работ Ротбарда. В частности, это опровергает распространенное, хотя и ошибочное представление, что исторические работы Ротбарда,

⁴ Мюррей Ротбард, *Великая Депрессия в Америке* (Челябинск: Социум, 2016).

⁵ Как пишет Ротбард о произведении Мизеса «Теория и история», в котором он наиболее детально излагает свой метод, оно «не имело большого резонанса и редко цитируется даже молодыми экономистами недавнего “австрийского” возрождения. Оно останется забытым шедевром Мизеса». М. Ротбард, Предисловие // Людвиг фон Мизес, *Теория и история* (Челябинск: Социум, 2013), с. ix.

особенно в области происхождения и развития кредитно-денежной системы США, не имеют более полноценного основания, чем пресловутая «теория заговоров». В-третьих, это дает нам возможность показать внесенный Ротбардом значительный вклад в метод Мизеса, который наиболее выпукло проявился в разработке им темы данного издания. И, наконец, метод Мизеса содержит однозначное опровержение тезиса позитивистов, что нам недоступно истинное понимание таких субъективных явлений, как мотивы человеческой деятельности, а потому экономическая история обречена на то, чтобы иметь дело исключительно с явлениями, наблюдаемыми и поддающимися измерению.

Рассмотрение метода исторических исследований Мизес начинает с утверждения, что именно идеи представляют собой первичный материал исторического знания. Он пишет: История есть летопись человеческой деятельности. Человеческая деятельность – это сознательные усилия людей, направленные на то, чтобы заменить менее удовлетворительные обстоятельства более удовлетворительными. Идеи определяют, что должно считаться более, а что менее удовлетворительными обстоятельствами, а также к каким средствам необходимо прибегнуть, чтобы их изменить. Таким образом, главной темой изучения истории являются идеи⁶.

⁶ Там же, с. 200–201.

Это не означает, что предметом исторических исследований должна быть только интеллектуальная история. Речь идет лишь о том, что идеи являются конечной причиной всех социальных, в том числе и даже прежде всего экономических, явлений. Как утверждает Мизес:

Подлинная история человечества – это история идей. Именно идеи отличают человека от всех других существ. Идеи порождают общественные институты, политические изменения, технологические методы производства и все то, что называется экономическими условиями⁷.

В силу этого для Мизеса предметом истории является:

тот факт, что люди, вдохновленные определенными идеями, определили для себя основные ценности, выбрали конкретные цели и прибегли к определенным средствам достижения выбранных целей, а кроме того, еще и результат их действий – состояние дел, которое установилось в результате их действий⁸.

Идеи, особенно относительно направляющих действие целей и ценностей, не только представляют собой точку соприкосновения между историей и экономической теорией, но, кроме того, именно разное отношение к ним различа-

⁷ Там же, с. 167.

⁸ Mises, *The Ultimate Foundation of Economic Science*. (Kansas City, Mo., 1978), p. 45. [См.: Мизес, Конечные основания экономической науки // Мизес, *Эпистемология и методология экономической науки*. М.; Челябинск: Социум, 2016].

ет методы этих двух дисциплин. Как история, так и экономическая теория, имеют дело с индивидуальными решениями относительно целей и ценностей, на которые те опираются. С одной стороны, экономическая теория, будучи отраслью праксеологии, берет эти цели и ценностные суждения в качестве исходных данных и ограничивается тем, что логически выводит из них законы, управляющие оценкой средств и установлением цен на материальные «блага». По существу, экономическая теория не интересуется индивидуальными мотивами, направляющими процесс оценки и выбора определенных целей. Таким образом, в противоположность позитивистскому подходу истина экономических теорем здесь устанавливается помимо конкретного исторического опыта и без ссылок на него. Они представляют собой логически правомерные дедуктивные выводы, исходящие из того универсального факта, что люди используют средства, пригодные, по их мнению, для достижения целей, оцениваемых ими как привлекательные⁹.

Предмет истории, с другой стороны, – «деятельность и ценностные суждения, направляющие деятельность к опре-

⁹ Разумеется, при выводе теорем, относящихся к специфическим условиям, характеризующим человеческую деятельность в нашем мире, цепочка дедуктивных выводов включает некоторые дополнительные факты менее общего характера. Среди них, скажем, разнообразие природных ресурсов, неоднородность труда, а также тот факт, что досуг ценится наравне с другими потребительскими благами (см.: Мизес, *Человеческая Деятельность*; Rothbard, *The Logic of Action*, и Норре, *Economic Science and Austrian Method*).

деленным целям»¹⁰. Это означает, что для истории в отличие от экономической теории действия и ценностные суждения – не конечная данность; по словам Мизеса, они «являются отправным пунктом особого рода рефлексии – специфического понимания исторических наук о человеческой деятельности». Историк, вооруженный методом «специфического понимания», сталкиваясь с «ценностным суждением и вызываемым им действием... может попытаться понять, каким образом они возникли в уме действующего субъекта»¹¹.

Различие между методами исторической науки и экономической теории можно проиллюстрировать следующим примером. Экономист в роли экономиста «объясняет» инфляцию периода войны во Вьетнаме, которая началась в середине 1960-х гг. и достигла кульминации в ходе инфляционного кризиса 1973–1975 гг., указанием на проводившуюся Федеральным резервом политику денежной эмиссии, которая породила и потом поддерживала инфляцию¹². Историк, в том числе историк экономики, должен выявить и оценить относительную значимость тех факторов, которые побуждали различных членов Совета управляющих Федерально-

¹⁰ Мизес, *Теория и история*, с. 268.

¹¹ Там же, с. 279.

¹² Некоторые экономисты считают границами инфляционного периода 1965 и 1979 г., но нас сейчас точность датировки не интересует (см., напр.: Thomas Mayer, *Monetary Policy and the Great Inflation in the United States: The Federal Reserve and the Failure of Macroeconomic Policy* (Northampton, Mass.: Edward Edgar, 1990)).

го резерва (или Комитета по операциям на открытом рынке Федерального резерва) к принятию соответствующего курса действий. Эти факторы включают: идеологию; партийную принадлежность; давление со стороны власть имущих; понимание экономической теории; явно выраженное требование клиентуры Федерального резерва, включая коммерческие банки и крупнейших дилеров рынка облигаций, неформальную власть и влияние председателя Федерального резерва и т. п.

Короче говоря, историк экономики должен выявить мотивы, управлявшие действиями, которые сделали возможным историческое событие. И здесь единственным подходящим инструментом является понимание. Как пишет Мизес:

Предмет понимания – мысленное представление явлений, которые не могут быть полностью объяснены с помощью логики, математики, прагматологии и естественных наук в той мере, в какой они не могут быть раскрыты этими науками¹³.

Утверждение, что полное объяснение любого исторического события, в том числе экономического, требует использования метода специфического понимания, не означает умаления важности чистой экономической теории для исторических исследований. На самом деле, как отмечает Мизес, экономическая теория

¹³ Людвиг фон Мизес, *Человеческая Деятельность*, с. 51.

обеспечивает в своей области законченную интерпретацию зафиксированных прошлых событий и совершенное предвидение результатов, которые следует ожидать от будущих действий определенного рода. Ни интерпретация, ни предвидение ничего не говорят о действительном содержании и качестве ценностных суждений действующих индивидов. И то, и другое предполагает, что индивиды формулируют оценки и действуют, но их теоремы не испытывают влияние и не зависят от конкретных характеристик действий и ценностей¹⁴.

Таким образом, с точки зрения Мизеса, если историк намерен дать полное объяснение отдельного события, он должен представить не только «специфическое понимание» мотивов действия, но и теоремы экономической науки и других «априорных» или неэкспериментальных наук, таких как логика и математика. Он должен также использовать знания, даваемые естественными науками, в том числе прикладными – технологией и терапией¹⁵. Знакомство с достижениями всех этих наук необходимо, чтобы иметь возможность правильно установить причинную зависимость между конкретным действием и историческим событием, чтобы проследить его специфические последствия и оценить, насколько успешно были реализованы цели действующего лица.

¹⁴ Мизес, *Теория и история*, с. 278.

¹⁵ Там же, с. 270.

Например, не будучи знакомым с экономической теоремой, утверждающей, что, при прочих равных, повышение темпа денежной эмиссии ведет к понижению покупательной способности денежной единицы, историк ценовой инфляции периода войны во Вьетнаме может просто проглядеть роль Федерального резерва, и уж тем более его мотивы. Предположим, что он будет сторонником ошибочной доктрины Гэлбрейта об административно назначаемых ценах, порождающих инфляцию издержек¹⁶. В этом случае он может, вполне неуместно, сконцентрироваться исключительно на мотивах профсоюзных лидеров, требовавших больших прибавок к заработной плате, и на целях «техноструктур» больших корпораций, пасующих перед этими требованиями и принимающих решение о том, какую часть прироста издержек переложить на потребителей. Таким образом, согласно Мизесу:

Если того, чему учат эти дисциплины [т. е. априорные и естественные науки], недостаточно, или если историк выбирает ошибочную теорию из нескольких противоречащих друг другу теорий, разделяемых специалистами, то он пойдет по неправильному пути, и его работа окажется бесполезной¹⁷.

Но что в действительности представляет собой историче-

¹⁶ John Kenneth Galbraith, *The New Industrial State* (New York: New

¹⁷ American Library, 1967), pp. 189–207, 256–270.

ский метод специфического понимания, и как он может дать истинное знание таких чисто субъективных и ускользающих от наблюдения явлений, каковыми являются мотивы человеческих поступков? Прежде всего, как подчеркивает Мизес, специфическое понимание прошлых событий

не является умственным процессом, к которому прибегают только историки. Каждый человек применяет его ежедневно при общении с другими людьми. Эта методика используется во всех межчеловеческих отношениях. Она практикуется детьми в яслях и детских садах, коммерсантами в торговле, политиками и государственными деятелями в делах государства. Каждый стремится получить и точно оценить информацию об оценках и планах других людей¹⁸.

Эта техника столь широко используется в повседневной жизни потому, что целью каждого действия является перестройка будущих условий таким образом, чтобы они стали более удовлетворительными с точки зрения действующего лица. Чтобы достичь своих целей, нужно предвидеть будущие изменения вследствие как естественных причин, так и действий других людей, которые точно так же одновременно с тобой планируют и осуществляют свои действия¹⁹. Таким

¹⁸ Там же, с. 238.

¹⁹ По словам Мизеса, «целью понимания является предвидение буших условий в той мере, в какой они зависят от идей, ценностных суждений и действий людей» (Mises, *Ultimate Foundation*, p. 49).

образом, понимание целей и ценностей других людей является необходимым условием успешного действия.

Итак, метод, который обеспечивает человека, планирующего действие, информацией о ценностях и целях других, – по существу, тот же метод, который используется историками, стремящимися обрести знание о ценностях и целях тех, кто действовал в прошлом. Универсальность этого метода Мизес подчеркивает тем, что обозначает действующего человека и историка как, соответственно, «историка будущего» и «историка прошлого»²⁰. Таким образом, независимо от целей, для которых оно используется, понимание

стремится к установлению определенных фактов: что люди приписывают определенное значение состоянию своего окружения; что они определенным образом оценивают это состояние, и, побуждаемые этим ценностным суждением, прибегают к определенным средствам для его сохранения или достижения иного состояния дел, отличного от того, какое существовало бы, если бы они воздержались от любых целенаправленных действий. Понимание имеет дело с ценностными суждениями, с выбором целей и средств для достижения этих целей и с оценкой результата совершенных действий²¹.

Кроме того, имеется ли в виду планирование действия

²⁰ Мизес, *Теория и история*, с. 287.

²¹ Mises, *Ultimate Foundation*, p. 48.

или истолкование истории, акт специфического понимания – не произвольное или случайное действие, свойственное исключительно конкретному историку или деятелю, а продукт дисциплины, которую Мизес называет «тимологией», смысл которой в «знании о человеческих оценках и желаниях»²². Мизес следующим образом характеризует эту дисциплину:

С одной стороны, тимология является ответвлением интроспекции, а с другой – осадком исторического опыта. Это то, что каждый узнаёт из общения с окружающими. Это то, что человек знает о способе, которым люди оценивают различные обстоятельства, об их желаниях и стремлениях. Это знание социального окружения, в котором человек живет и действует, или знание историка о чужом окружении, которое он почерпнул, изучая специальные источники²³.

Таким образом, утверждает Мизес, тимологию можно рассматривать как «отрасль исторической науки», потому что «свое знание она черпает из исторического опыта»²⁴. В силу этого и продукт познания в тимологическом опыте категорически иной, чем в экспериментальных естественных науках. Экспериментальное знание состоит из «научных фактов», истинность которых не зависит от времени. Тимологическое знание ограничено «историческими фактами», т. е. уникальными и неповторимыми

²² Мизес, *Теория и история*, с. 238.

²³ Там же, с. 239.

²⁴ Там же, с. 244.

событиями. Мизес, соответственно, делает вывод: Тимология может сообщить нам только то, что в прошлом определенные люди или группы людей придерживались определенных оценок и действовали определенным образом. Будут ли они и в будущем придерживаться тех же оценок и действовать таким же образом, остается неопределенным. Все, что можно утверждать об их будущем поведении, представляет собой спекулятивное предвосхищение будущего на основе специфического метода понимания исторических отраслей наук о человеческой деятельности <...> Тимология разрабатывает каталог характерных черт людей. Кроме того, она может установить факт, что определенные черты возникали в прошлом, как правило, во взаимосвязи с некоторыми другими свойствами²⁵.

Если говорить более конкретно, все наши догадки о том, как поведут себя в определенной ситуации члены семьи, друзья, знакомые и незнакомцы, основаны на накопленном тимологическом опыте. Надежда, что жене понравится получить на день рождения то или иное ювелирное украшение, что приятель с энтузиазмом воспримет идею пойти на фильм с Клинтом Иствудом, что такой-то студент будет недоволен своей отметкой, – все эти предположения основаны на непосредственном знании о прошлых ценностных суждениях и поступках этих людей. На тимологии основаны даже наши

²⁵ Там же, с. 244–245, 246.

предположения о том, как поведут себя незнакомцы в определенных ситуациях или каким будет ход политических, социальных и экономических событий. Например, накопленный нами тимологический опыт содержит знание, что мужья ревнуют своих жен. Это помогает нам «понять» и предвидеть, что если мужчина открыто ухаживает за женщиной в присутствии ее мужа, он почти наверняка встретит отпор и рискует получить по физиономии. Кроме того, мы можем с большой степенью уверенности прогнозировать, что на ближайших президентских выборах кандидат от либертарианской партии наберет намного меньше голосов, чем кандидаты республиканской и демократической партий; что минута рекламного времени в ходе трансляции матчей футбольного чемпионата этого года будет стоить не больше, чем во время трансляции матчей будущего суперкубка по американскому футболу; что через три месяца цена персонального компьютера не вырастет до 10 млн долл. и не упадет до 10 долл.; и что автор этой статьи никогда не станет королем Англии. Эти и миллионы других столь же определенных прогнозов основаны на специфическом понимании ценностей и целей, направляющих поведение миллионов безымянных действующих лиц.

Как уже отмечалось, источником тимологического опыта являются общение с другими людьми и наблюдение за их поведением. Этот опыт приобретается

либо непосредственно из наблюдения за

окружающими нас людьми или ведения с ними дел, либо косвенно благодаря чтению и молве, а также из особого опыта, приобретенного в предыдущих контактах с данными индивидами или группами²⁶.

Подобный опыт доступен каждому умственно сформированному человеку, и он служит основой для предвидения будущего поведения тех, чьи действия ему важно учитывать. К тому же, как указывает Мизес, использование тимологического знания в повседневной жизни отличается простотой:

Тимология говорит только о том, что человеком движут врожденные инстинкты, различные страсти и различные идеи. Прогнозирующий человек оставляет в стороне те факторы, которые очевидно не играют никакой роли в рассматриваемом конкретном случае. Затем он делает выбор из оставшихся²⁷.

Чтобы сузить набор целей и желаний, которые вероятнее всего направляют поведение интересующего нас человека, мы используем «тимологическую концепцию» или представление о «характере человека»²⁸. Наше представление о характере определенного человека основывается на полученном тем или иным способом знании о его прошлом поведении. Формулируя свои планы, «мы предполагаем, что без особых причин этот человек останется неизменным, и даже

²⁶ Там же, с. 282.

²⁷ Там же.

²⁸ Mises, *Ultimate Foundation*, p. 50.

пытаемся предугадать, как определенные изменения условий могут повлиять на его реакции»²⁹. Только доверие к «характеру» нашего спутника жизни позволяет нам каждое утро спокойно отправляться на работу в уверенности, что он или она не исчезнут неведомо куда, прихватив детей и сбережения. Планируя сберечь часть дохода и куда-нибудь эти средства инвестировать, мы учитываем представление о характере Алана Гринспена, которое основывается на нашем прямом или непрямом знании о его прошлых поступках и высказываниях. Поэтому, планируя свои расходы, мы совершенно исключаем возможность того, что в ближайшем будущем он либо сознательно организует 10 %-ную дефляцию денежной массы, либо попытается довести краткосрочную ставку процента до нуля.

При всем доверии к инструментам тимологического опыта наше представление о будущих событиях характеризуется известной неопределенностью, поскольку эти события в общем случае представляют собой сложную равнодействующую многих одновременно действующих причинных факторов. В силу этого всякое предвидение предполагает не только наличие перечня факторов, способствующих достижению прогнозируемого результата, но и взвешивание относительного влияния каждого из факторов на результат. При этом более трудной задачей является верное распределение весов пропорционально воздействию факторов. Даже если че-

²⁹ Там же.

ловек аккуратно выявит все требующие учета причинные факторы, исполнение прогноза будет зависеть от правильности их взвешивания. Источником неопределенности, присущей всякому акту предвидения, является главным образом сложность верного учета относительной роли различных действий³⁰.

Если в повседневной жизни каждый из нас бессознательно использует тимологию для понимания и планирования многообразных будущих событий, то историк, нуждающийся в специфическом понимании причин, определяющих ценностные суждения и решения действующих лиц, которых он считает центральными фигурами для подлежащих объяснению определенных событий или эпох, использует тимологический метод сознательно и неукоснительно. Подобно будущим событиям и ситуациям, которые предвидит в своих замыслах каждый из нас, все исторические события и определяемые ими эпохи представляют собой уникальные и сложные события, реализовавшиеся в силу действий и реакций множества людей. Именно таково значение следующего утверждения Мизеса: История – это последовательность изменений. Каждая историческая ситуация обладает своей индивидуальностью, своими собственными характеристиками, отличающими ее от любой другой ситуации. Река истории никогда не возвращается в однажды пройденную точку. История не

³⁰ Мизес, *Теория и история*, с. 276, 282–283.

знает повторений³¹.

Именно в силу неповторимости истории тимологический опыт дает нам совсем иного рода знание о причинах исторических событий, чем экспериментальный метод естественных наук. Именно поэтому историк, подобно действующему лицу, не может обойтись без особого рода понимания, когда он составляет перечень мотивов и действий, имеющих каузальное отношение к изучаемому вопросу, и когда приписывает каждому фактору вес, пропорциональный его влиянию на результат. При решении этой задачи «понимание в мире истории является своего рода эквивалентом количественного анализа и измерений»³². Историк использует понимание в попытке измерить каузальную «значимость» каждого фактора для результата. Но такого рода оценки значимости не принимают форму объективных измерений, допускающих последующую статистическую обработку; они принимают форму основанных на тимологии субъективных «оценок значимости»³³. Деловой успех обычно сопутствует тем, кто, используя тимологию, последовательно проявляет превосходство в понимании вероятности будущих событий.

Можно на следующем примере проиллюстрировать проблему взвешивания, которую приходится решать как действующим лицам, так и историкам. В ответ на 20 %-ное па-

³¹ Там же, с. 196.

³² Мизес, *Человеческая Деятельность*, с. 56.

³³ Там же.

дение промышленного индекса Доу – Джонса – или, что, пожалуй, актуальнее сегодня, индекса НАСДАК – Федеральный резерв увеличивает денежную массу на 5 %, что порождает страх перед будущей рецессией и ростом спроса на ликвидность со стороны частных лиц и предприятий. Одновременно с этим ОПЕК объявляет об увеличении квот на добычу на 10 %. Для ответа на вопрос, как повлияют все эти события на покупательную способность денег через шесть месяцев, нужно проявить специфическое понимание предпочтений и ожиданий людей, чтобы оценить относительный *вес* и *время* воздействия каждого из этих событий на соотношение между спросом на деньги и объемом денег в обращении. Законы экономической теории, при прочих равных условиях, имеют чисто качественный характер и указывают только направление, в котором каждое из этих событий изменит покупательную способность денег, а также сообщают, что воздействие сказывается постепенно, так что пройдет какое-то время до полного выявления эффекта. В силу этого предпринимателю или экономисту, пытающемуся дать количественный экономический прогноз, непременно приходится дополнять экономическую теорию актом исторического суждения или понимания. Когда историк экономики оценивает значимость факторов, ответственных за наблюдавшееся в период инфляции или дефляции изменение покупательной способности денег, он также использует свою способность к пониманию.

Вклад Ротбарда в разработанный Мизесом метод исторических исследований заключается в создании руководства, до известной степени смягчающего неопределенность, возникающую при оценке важности мотивов. Как пишет сам Ротбард, «историку не избежать необходимости оценивать и выносить суждения о мотивах людей, хотя он не в состоянии обосновать свои суждения с абсолютной и неопровержимой достоверностью»³⁴. Но задачу приписывания мотивов и оценки их значимости затрудняет тот факт, что во многих случаях исторические деятели, особенно те, которые в политике искали собственную экономическую выгоду, склонны сознательно затушевывать мотивы своего поведения. Ротбард отмечает, что в общем случае в подобных ситуациях «сам деятель делает все возможное, чтобы скрыть корыстный интерес и раструбить о своих более идейных и отвлеченных заботах»³⁵.

³⁴ Murray N. Rothbard, "Economic Determinism, Ideology, and The American Revolution," *The Libertarian Forum* 6 (November 1974): 4.

³⁵ Сходное замечание делает и Мизес: Попытки ввести потомство в заблуждение по поводу произошедшего в действительности и подменить достоверные свидетельства фальшивками часто инициируются теми, кто сам играет активную роль в событиях; попытки предпринимаются в тот самый момент, когда происходит событие, а иногда даже предшествуют ему. Ложь об исторических фактах и уничтожение улик, по мнению многих государственных деятелей, дипломатов, политиков и писателей, является законной частью ведения государственных дел и написания истории. Мизес заключает, что в силу этого одной из первейших задач историка является «разоблачение подобного обмана» (Мизес, *Теория и история*, с. 262–263).

Ротбард, однако, утверждает, что подобные попытки затушевать или утаить денежный мотив обращением к более высоким целям легко распознаются историком в тех случаях, «когда причинная цепь экономической заинтересованности проста и обозрима»³⁶. Например, когда сталелитейная промышленность лоббирует повышение таможенных пошлин или сокращение импортных квот, ни один здравомыслящий человек, а уж тем более ни один знающий историк, не поверит заявлениям, что все это делается ради «общественных интересов» или «национальной безопасности». Что бы там ни говорили промышленники, каждый отчетливо понимает, что отрасль стремится ограничить иностранную конкуренцию ради повышения собственной прибыли. Проблема возникает в тех случаях, «когда наличествуют более сложные и длинные причинные цепочки»³⁷. Здесь в качестве примера Ротбард указывает на план Маршалла. В этом случае широко разрекламированными мотивами архитекторов плана были предотвращение голода в странах Западной Европы и усиление их сопротивления соблазнам коммунизма. Ни слова не было сказано о другой, столь же реальной цели – продвижение и субсидирование экспортных отраслей США. Понадобилась кропотливая работа историков, чтобы со временем докопаться до действительных экономических мотивов³⁸.

³⁶ Rothbard, “Economic Determinism,” p. 4.

³⁷ Ibid.

³⁸ См., напр.: Davids Eakins, “Business Planners and America's Postwar

Учитывая тот факт, что как стремящиеся к субсидиям и привилегиям промышленники, так и раздающие их политики склонны лгать о своих истинных мотивах, Ротбард сформулировал, по его собственным словам, «теоретическое руководство, позволяющее заранее знать, когда движущие исторические силы имеют преимущественно экономический, а когда – идеологический характер»³⁹. Это руководство Ротбард, разумеется, составил в соответствии со своим мировоззрением. Однако не следует понимать дело так, что мировоззрение историка является чисто идеологической конструкцией или бессознательным отражением его нормативных предубеждений. На деле каждый историк должен иметь собственное мировоззрение – набор взаимосвязанных представлений об управляющих миром причинных зависимостях, чтобы иметь возможность выделять факты, важные для объяснения конкретного исторического события. Согласно Ротбарду, «факты, разумеется, должны быть отобраны и упорядочены по степени их важности, а оценивает их важность историк в соответствии со своими представлениями о мире»⁴⁰.

Точнее говоря, в соответствии с подходом Мизеса к ис-

Expansion,” in *Corporations and the Cold War*, David Horowitz, ed. (New York: Modern Reader, 1969), pp. 143–171.

³⁹ Rothbard, “Economic Determinism,” p. 4.

⁴⁰ Murray N. Rothbard, *Conceived in Liberty*, vol. 1, *A New Land, A New People: The American Colonies in the Seventeenth Century*, 2nd. ed. (Auburn, Ala.: Mises Institute, 1999), p. 9.

тории мировоззрение содержит необходимые представления относительно причинных зависимостей, которые историк извлекает из своих познаний в априористических и естественных науках и использует при оценке данных. Как пишет Мизес:

История – это не мысленное копирование, а концентрированное представление прошлого средствами понятийного аппарата. Историк не просто позволяет событиям говорить самим за себя. Он организует их в соответствии с идеями, лежащими в основе образования общих понятий, которые он использует в своем представлении материала. Источник сообщает нам не все случившиеся факты, а только те, *которые имеют отношение к делу*. Он не открывает документ без предположений, но подходит к делу во всеоружии научного знания своего времени, т. е. учений современной логики, математики, праксеологии и естественных наук⁴¹.

Так, например, экономист австрийской школы, пытающийся объяснить заоблачный рост цен, имевших место в ходе гиперинфляции в Германии в начале 1920-х гг., не сочтет важным эпизод спекулятивной игры против немецкой марки, сопровождавшей резкое падение ее валютного курса. А все потому, что он подходит к этому событию, будучи вооруженным количественной теорией денег и теорией парите-

⁴¹ Мизес, *Человеческая Деятельность*, с. 48.

та покупательной способности как основы валютного курса. Эти выведенные из праксеологии «исходные предпосылки» требуют от него не придавать значения действиям валютных спекулянтов при объяснении обвального падения покупательной способности марки на внутреннем рынке. Эти же исходные предпосылки обращают его внимание на мотивы, побудившие Рейхсбанк к расширенной эмиссии денег. Точно так же современный историк, изучающий причины и распространение бубонной чумы в Европе XIV в., пренебрежет расцветом религиозных ересей в ту эпоху. Вместо этого он положится на выводы современной медицины относительно причин, способствующих распространению этой болезни.

Значение предлагаемого Ротбардом теоретического руководства в том, что он добавляет нечто совершенно новое в арсенал научных представлений историка, позволяющих ему судить о значимости мотивов тех, кто содействует определенным политическим событиям или противится им. Новизна и блеск этого руководства в том, что это не чисто априорный закон вроде экономической теоремы и не экспериментально установленный «факт» естественных наук. Это, скорее, социологическое обобщение, опирающееся на творческое сочетание тимологического опыта и экономической теории. В основе этого обобщения лежит идея, что на протяжении всей истории государство представляло собой, по существу, организацию части населения, отказавшейся от мирной хозяйственной деятельности ради того, чтобы превра-

тяться в правящий класс. Этот паразитический класс добывает средства к существованию через установление своей гегемонии или устойчивых «политических» отношений с производительной частью населения. Политическая власть помогает правителям существовать за счет дани или налогов, регулярно и «законно» собираемых с доходов и собственности производящего класса. Последний состоит из «подданных» или, в случае демократического государства, из «налогоплательщиков», которые зарабатывают на жизнь «экономическими методами», т. е. участием в мирном производстве и добровольном обмене. Членов правящего класса, напротив, можно считать «потребителями налогов», которые зарабатывают на жизнь насильственными «политическими методами», т. е. сбором налогов и продажей монопольных привилегий⁴².

Ротбард пишет, что в соответствии с требованиями экономической логики король и его придворные либо демократическое правительство и окружающие его заинтересованные группы составляют лишь незначительное меньшинство населения страны, что все государства независимо от их формальной организации неизбежно следуют олигархическим

⁴² О происхождении и природе государства как организации, использующей насильственные политические методы для получения средств существования см.: Franz Oppenheimer, *The State* (New York: Free Life Editions, [1914] 1975); Albert J. Nock, *Our Enemy, The State* (New York: Free Life Editions, [1935] 1973); Мюппей Ротбард, *К новой свободе: либертарианский манифест*. М.: Новое издательство, 2009. С. 62–84.

нормам⁴³. И для этого есть две причины. Во-первых, сама по себе паразитическая природа отношений между правителями и подданными требует, чтобы большинство населения участвовало в производстве и имело возможность уплачивать требуемую от него дань или налоги и одновременно могло поддерживать собственное существование. Если бы правящий класс составил большинство населения, немедленным результатом оказался бы экономический коллапс и крах системы в силу вымирания производителей. Тогда правящему большинству пришлось бы либо перейти к производительной деятельности, либо вступить в междоусобную войну ради создания новых и более стабильных, т. е. олигархических, отношений между правителями и подданными.

Вторая причина того, что правящий класс тяготеет к олигархии, относится к закону сравнительных преимуществ. В мире, где люди так различаются по своим умениям и способностям, все стороны экономической и социальной жизни подчинены закону разделения труда. И это относится не только к тому, что нужны особые способности для создания новых компьютерных программ, для торговли ценными бумагами или для карьеры профессионального футболиста. Точно так же только немногие обладают способностью властвовать. Более того, закон сравнительных преимуществ определяет структуру отношений как внутри организаций,

⁴³ Ротбард, *К новой свободе*. С. 62–63; Rothbard, “Economic Determinism,” pp. 4–5.

так и между ними, вызывает к жизни иерархические структуры, являющиеся почти непременной характеристикой всяческих организаций. Возьмем ли мы корпорацию, шахматный клуб или банду преступников, в качестве формальных или неформальных лидеров всегда впереди оказывается энергичная и предприимчивая элита, направляющая и управляющая относительно инертным большинством. «Железный закон олигархии», как окрестили некогда это проявление закона сравнительных преимуществ, способствует перерождению первоначально мажоритарного демократического или децентрализованного республиканского государства в государство высокоцентрализованное, управляемое правящей элитой⁴⁴.

Этот анализ привел Ротбарда к выводу, что политическая власть по природе своей тяготеет к олигархии. Незначительное меньшинство, одаренное способностью властвовать, объединяется и затрачивает все силы и энергию для того, чтобы установить и сохранить устойчивое господство над производительным большинством. А поскольку главным источником их дохода является власть, вся политика и действия членов этого олигархического правящего класса направляются преимущественно экономическими мотивами. Эксплуатируемый класс производителей, напротив, не мо-

⁴⁴ Одно из первых описаний того, как этот закон действует в среде социал-демократических партий, см.: Robert Michels, *Political Parties: A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy* (New York: Dover Publications, [1915] 1959).

жет вкладывать так много в отношения власти, и его действия на политической арене не подчинены в той же степени экономическим выгодам, причем именно в силу того, что они вынуждены зарабатывать на жизнь в собственной профессии. Как объясняет Ротбард:

правлящий класс, будучи численно незначительным и высокоспециализированным, двадцать четыре часа в сутки поглощен мыслью о своих экономических интересах. Сталепромышленники, мечтающие о запретительных ввозных пошлинах, банкиры, заинтересованные в налогах, которыми государство могло бы погасить свои долговые обязательства, правители, которым нужно сильное, способное раздавать субсидии государство, бюрократы, нацеленные на расширение своих полномочий, все они являются профессионалами государственной власти. Они неустанно хлопочут о сохранении и расширении своих привилегий⁴⁵.

Однако правящий класс вынужден постоянно решать одну серьезную проблему: как убедить производительное большинство, за счет сборов с которого оно существует, что его законы, нормы и политика полезны, иными словами, что они совпадают с «общественным интересом», или способствуют «общественному благу», или оптимизируют «социальное обеспечение». Поскольку политический класс составля-

⁴⁵ Rothbard, "Economic Determinism," p. 5.

ет меньшинство, неспособность решить эту проблему creativa серьезными последствиями. Даже пассивное сопротивление значительной части трудящегося населения в форме отказа от уплаты налогов делает доход политического класса, а значит и надежность его существования, весьма шаткими. Возможен и более зловещий вариант, поскольку попытки силой подавить пассивный протест могут сделать его более массовым и активным, а в итоге грозят переходом к активным революционным действиям и отстранению эксплуатирующего меньшинства от власти. Именно здесь на сцене появляются интеллектуалы. Их задача убедить публику в необходимости деятельно сотрудничать с государством ради общего блага, а в крайнем случае – терпеть его хищничество, потому что иначе всем грозят анархия и хаос. В уплату за идеологическое оправдание эксплуатации масс подданных или налогоплательщиков эти «придворные интеллектуалы» – младшие партнеры правящей элиты – получают свою долю власти, богатства и престижа. Если в допромышленные времена роль апологетов государственной власти исполняло духовенство, то в Новое время – по крайней мере со времен Прогрессивной эры в США – их поставляют главным образом университеты⁴⁶.

⁴⁶ О союзе интеллектуалов с государством см.: Ротбард, *К новой свободе*. С. 68–84. Особенно наглядный пример такого союза дает Германия конца XIX в., где экономисты немецкой исторической школы именовались «кафедральными социалистами» (катедер-социалистами), потому что они имели господствующее влияние на экономических факультетах университетов Германии. Они совершенно

Политики, бюрократы и те, кого они наделяют субсидиями и привилегиями, постоянно заняты тем, что украшают свою деятельность высокими идеологическими мотивами, дабы скрыть от эксплуатируемого и ограбляемого населения свою погоню за наживой. В сегодняшнем мире эти мотивы находят выражение в риторике европейских «социал-демократов» и современных американских либералов, насаждающих идеологию государства всеобщего благосостояния⁴⁷. В прошлом правящие олигархии использовали идеологию королевского абсолютизма, марксизма, реформизма, фашизма, национал-социализма, либерализма Нового курса и пр., и пр., чтобы призывами к укреплению мощи государства замаскировать свои экономические интересы. Разрабатывая свое теоретическое руководство, Ротбард стремится снабдить историков инструментом для проникновения через завесу идеологической риторики и раскрытия истинных мотивов, стоявших за политикой и действиями правящих элит на протяжении всей истории. Как пишет сам Ротбард о своем руководстве, всякий раз, когда потенциальные или действи-

отчетливо осознавали свою роль идеологического прикрытия для императорской политики и гордо именовали себя «интеллектуальными телохранителями дома Гогенцоллернов» (Там же, с. 60).

⁴⁷ Так называемый «неоконсерватизм», доминирующий в консервативном движении и в Республиканской партии США, – это просто разновидность современного либерализма [в американском смысле этого термина. – *Ред.*]. Его ведущие теоретики пропагандируют чуть более эффективное и меньшее по размерам попечительское государство, а также более активный и широкий интервенционизм, в том числе военными методами, на международной арене.

тельные хозяева и бенефициарии государства действуют,

когда они формируют государство или принимают обеспечивающую централизацию конституцию, когда они начинают войну или создают план Маршалла, или используют и умножают мощь государства, ими движут *прежде всего* экономические интересы: умножить свою добычу за счет подданных и налогоплательщиков. Исповедуемая ими идеология, которую формулируют и распространяют в обществе придворные интеллектуалы, является всего лишь продуманной рационализацией их корыстных экономических интересов. Идеология – это дымовая завеса для их грабежа, придуманная интеллектуалами фальшивая одежда для императора, прикрывающая неприкрытый грабеж. Таким образом, задача историка в том, чтобы прорваться к существу дела, сорвать идеологический наряд с имперского государства и разоблачить лежащие в основе всего экономические мотивы⁴⁸.

Характеризуя современное демократическое государство как преимущественно инструмент перераспределения дохода от производителей к политикам, бюрократам и субсидируемым группам, Ротбард подставляет себя под обвинение в том, что он рассматривает экономическую историю с позиций теории заговора. В этом смысле особенно подозрительно его акцентирование почти универсальной склон-

⁴⁸ Rothbard, “Economic Determinism,” p. 5.

ности тех, кто использует политику в целях личной наживы, маскировать свои истинные мотивы с помощью ханжеской идеологии. В самом деле, созданная Чикагской школой теория государственного регулирования экономики и теория общественного выбора, разработанная Вирджинской школой, также приписывают политикам, бюрократам и находящимся под патронажем государства отраслям хозяйства устремленность исключительно на максимизацию собственной пользы в самом узком смысле слова, что если не в большинстве, то во многих случаях обозначает чисто денежный интерес⁴⁹. Но экономисты обеих этих школ защищены от обвинений в приверженности теории заговора, потому что в своих прикладных работах они в общем случае воздерживаются от системного, тимологического исследования действительных мотивов тех людей и групп, действия которых они анализируют. Вместо этого они, будучи приверженцами позитивистской методологии, механически наделяют реальных лиц, действующих в конкретных экономических обстоятельствах, узко определенной склонностью к максимизации пользы.

Джеймс Бьюкенен, один из основателей теории обще-

⁴⁹ См., например: George J. Stigler, "The Theory of Economic Regulation," in *The Citizen and the State: Essays on Regulation* (Chicago: University of Chicago Press, 1975), pp. 114–141; James M. Buchanan, "Politics without Romance: A Sketch of Positive Public Choice Theory and Its Normative Implications," in *The Theory of Public Choice – II*, James M. Buchanan and Robert D. Tollison, eds. (Ann Arbor: University of Michigan Press, 1984), pp. 11–22.

ственного выбора, пишет, например, что экономисты, придерживающиеся этой парадигмы, склонны

использовать модели человека, которые оказались полезными в рамках экономической теории, модели, которые использовались для разработки эмпирически проверяемых и эмпирически подтвержденных гипотез. Эти модели воплощают предположение, что люди стремятся к максимизации собственных выгод, и их узко определенное материальное благополучие является важным компонентом этих выгод⁵⁰.

Джордж Стиглер, первым разработавший теорию государственного регулирования экономики, доказывает: «Фактически у нас есть только одна теория человеческого поведения, и это теория максимизации пользы». Но Стиглер в отличие от Ротбарда и Мизеса основывает свое доверие к функции полезности для реальных действующих лиц не на историческом методе специфического понимания, а на эмпирическом методе. Вот рассуждение Стиглера:

Первой задачей эмпирических исследований [политики государственного регулирования] является установление целей законодательства! Порой объявленные цели политики никак не соотносятся, а иногда и прямо противоположны действительным результатам политики, и *о задуманном результате приходится судить по тому, что получилось на*

⁵⁰ Buchanan, "Politics without Romance," p. 13.

самом деле. Это не тавтология ради приукрашивания нелегкой проблемы, а гипотеза о природе политической жизни... Если экономическая политика была принята во многих городах либо все общество следует ей достаточно долгое время, стоит предположить, что ее результаты – это именно то, что замышлялось и на что рассчитывали⁵¹.

Таким образом, отбросив возможность того, что исторические деятели могут ошибиться в выборе подходящих средств достижения поставленных целей, позитивист Стиглер освобождает себя от изучения темных и не поддающихся измерению мотивов. Нет сомнения, что нет никакой нужды ставить вопрос о мотивах, если исторические результаты политики и действия всегда совпадают с тем, что замыслил человек или организация, потому что, согласно Стиглеру, «ошибки – это не то, за счет чего можно жить». Тогда, с точки зрения Стиглера, историку не стоит стремиться к субъективному пониманию мотивов действия, потому что наблюдаемые результаты совершенно соответствуют целям исторического персонажа. Но, возможно, Стиглер согласится с абсурдностью предположения, что, неуклонно проводя в течение длительного времени катастрофическую политику на Восточном фронте, Гитлер стремился к поражению во Второй мировой войне. Но такое предположение оказывается абсурдным только в свете тимологического проникнове-

⁵¹ Stigler, “Theory of Economic Regulation,” p. 140.

ния в замыслы Гитлера, для чего приходится изучить сведения о его действиях и политике, устные и письменные высказывания его лично, а также его подчиненных и помощников. Такое проникновение приводит нас к *пониманию*, которое не сможет обоснованно оспорить ни один разумный человек, что Гитлер страстно стремился победить в войне.

Ротбард настаивает, что тот же метод понимания, который позволяет историку постичь цели нападения на СССР, пригоден и для уяснения мотивов тех, кто добивается введения таможенных пошлин или создания центрального банка. Соответственно, руководство, в котором Ротбард рекомендует историкам экономики начинать исследование с поиска экономических мотивов, – это всего лишь ориентир. И он никак не может заранее исключить возможность того, что в некоем случае главную роль играли идеологические или альтруистические мотивы. Если не удастся выявить скрытые экономические мотивы, историк должен заняться поиском идеологических или неэкономических побуждений. Таким образом, указывает Ротбард, его подход к экономической истории, – можете, если хотите, назвать его «теорией заговора», – «это всего лишь праксеология в применении к человеческой истории, утверждающая, что люди действуют в соответствии со своими интересами»⁵². Этот подход признает и то, что Мизес назвал «исторической индивидуальностью»,

⁵² Murray N. Rothbard, “Only the Heartbeat Away,” *The Libertarian Forum* 6 (September 1974): 5.

а именно: «Особенности отдельных людей, их идеи и ценностные суждения, а также действия, направляемые этими идеями и суждениями, невозможно представить как производные от чего-либо»⁵³. Стиглер и Бьюкенен, следующие методу позитивизма, напротив, пытаются втиснуть участников исторических событий в прокрустово ложе *homo economicus*, который неустанно и безошибочно стремится к достижению личных экономических выгод.

Мы сможем лучше оценить значение методологической новации Ротбарда, если сравним его объяснение истоков Федеральной резервной системы с тем, как объясняют это Милтон Фридмен и Анна Шварц в своей влиятельной работе «История денежного обращения в США, 1867–1960»⁵⁴. Эта книга, после ее опубликования в 1963 г., служит стандартным руководством для всех изысканий в области кредитно-денежной истории США. Хотя Фридмена и Шварц нельзя в точном смысле слова причислить к новой школе экономической истории, в их книге сильно чувствуется позитивистский подход, а их методы родственны используемым последователями этого направления⁵⁵. Например, в предисловии к этой книге Фридмен и Шварц пишут, что стремились «создать вводные положения и фон для статистического анали-

⁵³ Мизес, *Теория и история*, с. 163.

⁵⁴ Милтон Фридман и Анна Якобсон Шварц, *Монетарная история Соединенных Штатов 1860–1960*. Киев: Ваклер, 2007.

⁵⁵ См., напр.: North, *Growth and Welfare in the American Past*, p. 11, n. 6.

за векового и циклического поведения денег в Соединенных Штатах, а также исключить материал, не относящийся к данной теме». В частности, они не замахивались на написание «полной экономической и политической истории», которая «должна будет отображать всеобъемлющую роль денег в Соединенных Штатах в прошлом веке»⁵⁶. В итоге центральное место в этом томе, объемом в 808 страниц, занимают необъясняемые изменения политики денежной эмиссии. Да и в первой же фразе авторы сообщают, что «эта книга посвящена объему денежной массы США»⁵⁷.

Фридмен и Шварц, конечно же, не отрицают и не могут отрицать, что причиной изменения денежного предложения служат целенаправленные действия людей. Но избранная ими позитивистская методология принуждает их ограничиться в своих исторических изысканиях только наблюдаемыми результатами этих действий, избегая обращения к мотивации. Ведь, согласно позитивистской философии нау-

⁵⁶ Фридман и Шварц, *Монетарная история...* С. XVI.

⁵⁷ Там же, с. 3. Будучи последовательными позитивистами, Фридмен и Шварц говорят только о «денежной массе» или «количестве» денег, а не о «предложении» денег, видимо, в силу того, что первое представляет собой наблюдаемый на рынке результат взаимодействия между ненаблюдаемыми кривыми спроса на деньги и их предложения. Но очень похоже, что Фридмен и Шварц рассматривают показатель денежной массы как хорошую эмпирическую оценку показателя денежного предложения, потому что последний в их понимании отличается совершенной неэластичностью по отношению к уровню цен. Сравните с интерпретацией Питера Темина: Peter Temin, *Did Monetary Forces Cause the Great Depression?* (New York: W. W. Norton, 1976), p. 18.

ки, в научном исследовании статус «причинных» факторов могут иметь только наблюдаемые и поддающиеся измерению явления, тогда как мотивы поведения – это ненаблюдаемое и не поддающееся измерению понятие. Так что если написать научную в строго позитивистском смысле слова историю денежного обращения и кредита, ее следовало бы именовать летописью количественных изменений ряда агрегатов денежной массы и влияния (поддающегося измерению) этих изменений на другие количественные переменные, такие как уровень цен и объем производства в неизменных ценах.

Однако даже Фридмену и Шварц приходится в своей «Истории денежного обращения в США» время от времени вылезать из трясины статистического анализа, чтобы дать объяснение экономическим событиям, интеллектуальным дискуссиям, социальным конфликтам и политическим маневрам, которые оказывают глубокое и неоспоримое влияние на институциональные условия рынка денег. Поскольку позитивистская методология плохо приспособлена к учету мотивов, результаты спорадических попыток Фридмена и Шварц привлечь более широкие исторические материалы оказываются поверхностными и неубедительными, а порой и просто вводят в заблуждение. Например, из 100 страниц двух глав, посвященных критически важному в денежной истории США периоду с 1879 по 1914 г., только 11 посвящены рассмотрению политических и социальных факторов, при-

ведших к созданию Федеральной резервной системы⁵⁸. Из содержимого этих 11 страниц следует, что «проблема «денег»», которая последние три десятилетия XIX в. была в центре американской политики, была создана «преступлением 1873 г.» и что главным фактором ее развития была фермерская партия популистов с ее требованием неограниченной чеканки серебряных монет (дешевые деньги). Более того, это движение отчасти было выразителем духа 1890-х гг., десятилетия, которое, согласно цитируемому нашими авторами Ванн Вудворду, «отличалось чрезмерным сумасбродством и чудачеством, которые охватили не только высшие и средние, но и низшие слои американского общества»⁵⁹. Приземляя таким образом «проблему денег», авторы совершенно игнорируют точно рассчитанные тайные действия банкиров с Уолл-стрит во главе с Морганом и Рокфеллером, которые мечтали провести картелирование всего банковского дела и вместе со своими политическими союзниками занять место у штурвала. Это движение, ставшее в 1890-х гг. серьезной силой, также было отчасти реакцией на предложения сторонников серебряных денег и аграрных инфляционистов, а его целью было закрепление за банками возможности нажать на ожидавшейся инфляции.

Таким образом, Фридмен и Шварц изображают кампанию за создание центрального банка вне связи с проблемой денег,

⁵⁸ Фридман и Шварц, *Монетарная история...*, с. 87–190.

⁵⁹ Там же, с. 132, прим. 40.

и получается, что движение набрало обороты только в ответ на банковскую панику 1907 г. и на вскрывшуюся в связи с ней проблему «неэластичности денег». И у них получается, что Федеральная резервная система возникла благодаря честным и бескорыстным усилиям обеих партий, пытавшихся найти практическое решение чисто технической проблемы, которая мешала гладкому функционированию кредитно-денежной системы⁶⁰. Рассказывая о создании Федеральной резервной системы, Фридмен и Шварц даже не затрагивают вопрос о группах, выигравших от такого «решения». Они не углубляются в мотивы сторонников закона о Федеральной резервной системе. После очень краткого и поверхностного рассказа о событиях, приведших к принятию этого закона, они спешат вернуться к главной задаче их «истории денег», которая, как сформулировал Фридмен в другой работе, заключается в том, чтобы «внести вклад в запас проверенных знаний»⁶¹.

Для Фридмена и Шварц главная цель экономической истории состоит в проверке гипотез, возникающих при наблюдении закономерностей в динамике исторических данных. В соответствии с этим Фридмен и Шварц описывают свой подход к экономической истории как создание «гипотетиче-

⁶⁰ Там же, с. 162–163.

⁶¹ Милтон Фридмен, *Количественная теория денег: новая формулировка* // Милтон Фридмен, *Если бы Деньги заговорили...* М.: Дело, 1998. С. 39 (в этом издании «tested knowledge» переведено как «устоявшиеся представления»).

ской истории – сказка “о том, как могло бы быть”»⁶². На их взгляд, первая задача историка экономики – выявить наблюдаемую совокупность условий, ведущих к наступлению исследуемого исторического события, для чего ученый формулирует и проверяет теоретические гипотезы о том, как развивались бы события в отсутствие этих условий. Этот «метод контрфактических гипотез», как его называют новые историки экономики, объясняет некое историческое событие и, одновременно, увеличивает запас «проверенных знаний» о теоретических закономерностях, которые могут быть использованы в будущих исследованиях экономической истории⁶³.

Фридмен и Шварц демонстрируют этот метод при анализе банковской паники 1907 г.⁶⁴ В самом начале кризиса банки ограничили выдачу денег вкладчикам и тем самым предотвратили массовые банкротства и даже временное закрытие банков. Из этого Фридмен и Шварц выводят теоретическую гипотезу, что когда разражается финансовый кризис,

⁶² Фридман и Шварц, *Монетарная история...* С. 160.

⁶³ Подробнее о природе и использовании метода контрфактических гипотез см.: R. Fogel, “The New Economic History: Its Findings and Methods,” in *The Reinterpretation of American History* (New York: Harper and Row, 1971), pp. 8–10 [см.: Фогель Р. Новая экономическая история: ее данные и методы // portalus.ru]; Donald N. McCloskey, “Counterfactuals,” in *The New Palgrave: The New World of Economics*, John Eatwell, Murray Milgate, and Peter Newman, eds. (New York: W. W. Norton, 1991), pp. 149–154.

⁶⁴ Фридман и Шварц, *Монетарная история...* С. 152–160.

чем раньше введены ограничения на выдачу денег, тем легче предотвратить масштабный крах банковской системы. Затем они проверяют эту гипотезу на материале событий 1929–1933 гг. В тот раз финансовый кризис начался с биржевого краха в октябре 1929 г., а выплаты вкладчикам ограничились только в марте 1933 г. С 1930 по 1933 г. прошла волна массовых банкротств банков. Таким образом, теоретическая гипотеза или «контрфактическое» утверждение, что своевременное ограничение выплат могло остановить развитие финансового кризиса, нашло здесь эмпирическое подтверждение, поскольку массовое закрытие банков началось именно после 1929 г.

Нет сомнений, что Фридмен и Шварц осознают, что реальная проверка этих теоретических гипотез невозможна, потому что «мы не в состоянии точно воспроизвести экспериментальную ситуацию и, таким образом, детально проверить эти гипотезы». Но при этом они продолжают утверждать, что «вся аналитическая история, история, нацеленная на истолкование, а не на простую фиксацию прошлых событий, имеет именно такой характер, и это объясняет, почему приходится заново переписывать историю в свете вновь вскрывающихся фактов»⁶⁵. Иными словами, историю приходится постоянно пересматривать на основе «новых фактов», которыми нас неустанно снабжает ход исторического процесса. Как уже отмечалось выше, это порочный круг, харак-

⁶⁵ Там же, с. 168.

теризующий все попытки использовать позитивистские методы для истолкования истории. Как будто специально, чтобы предупредить осознание этого порочного круга, Фридмен и Шварц эпиграфом к своей книге взяли знаменитое высказывание Альфреда Маршалла:

Опыт... показывает, что невозможно чему-либо научиться из фактов, пока их причины не были рассмотрены и истолкованы; и он учит, что наиболее опрометчив и вероломен тот теоретик, который предоставляет фактам и цифрам говорить самим за себя⁶⁶.

Но разум, очевидным образом, учит нас, что причиной наблюдаемых – а в некоторых случаях исчислимых, но никогда измеряемых – событий экономической истории всегда являются целенаправленные действия людей, цели и мотивы которых недоступны непосредственному наблюдению. Отрицая исторический метод понимания, Фридмен и Шварц руководствуются не разумом, а сугубо позитивистской нацеленностью на то, чтобы использовать историю как лабораторию, хотя и несовершенную, дающую возможность формулировать и проверять теории, которые позволят в будущем предсказывать и контролировать аналогичные явления. Мизес пишет о намерении, лежащем в основе этого позитивистского подхода к истории: «Эта дисциплина извлечет из исторического опыта законы, которые принесут социальной «ин-

⁶⁶ Там же, с. I.

женерии» такую же пользу, какую законы физики приносят технологической инженерии»⁶⁷.

Можно и не говорить, что для Ротбарда история не может служить даже в качестве несовершенной лаборатории для проверки теорий, потому что он согласен с Мизесом в том, что «предметом истории... являются ценностные суждения и их проецирование на реальность изменений»⁶⁸. Стремясь объяснить возникновение Федеральной резервной системы, Ротбард ставит вопрос о том, кто должен был выиграть и кого должно было привлекать столь радикальное изменение кредитно-денежной системы. И тут в полной мере сказалось научное мировоззрение Ротбарда. Будучи теоретиком кредитно-денежной системы, воспитанным в традициях австрийской школы, он понимает, что основанная на частичном резервировании система золотомонетного обращения открывает больше возможностей для инфляционной эмиссии банковских кредитов в условиях центрального банка, чем при квазидецентрализованной национальной банковской системе, созданной непосредственно перед принятием закона о Федеральной резервной системе в 1913 г. Праксеологические рассуждения теории денег австрийской школы также подсказывают, что львиную долю выгод от раздувания банковского кредита получают кредиторы и первые получатели вновь эмитируемых банкнот и депозитов, иными словами,

⁶⁷ Мизес, *Теория и история*, с. 257.

⁶⁸ Мизес, *Человеческая Деятельность*, с. 49.

коммерческие и инвестиционные банкиры и их клиенты. Направляемый выводами из этого праксеологического знания и тимологическим правилом о мотивах тех, кто лоббирует государственные законы и нормативные положения, Ротбард тщательно исследует цели и действия крупных коммерческих и инвестиционных банкиров с Уолл-стрит, их клиентов из промышленных корпораций, их единомышленников и союзников на политической арене.

Проведенный Ротбардом анализ конкретных фактов показал, что с конца 1890-х гг., в течение целого десятилетия до банковской паники 1907 г., банкиры с Уолл-стрит и их союзники начали втайне организовывать и финансировать интеллектуальное и политическое движение за создание центрального банка. В этом движении участвовали университетские профессора экономики, прикрывавшие свои узкокорыстные интересы рассуждениями о предполагаемой всеобщей выгоде от появления центрального банка, который будет действовать в качестве благожелательного и бескорыстного поставщика «эластичной» ликвидности и «кредитора в последней инстанции». На самом деле, крупные банкиры и промышленники всей душой желали появления центрального банка, который бы в дополнение к существовавшим золотым резервам обеспечивал рынок эластичным резервом бумажных денег. Доступность дополнительных резервов обещала банкам расширение возможностей для раздувания кредита и, что еще важнее, сулила предотвращение

или хотя бы смягчение периодических банковских кризисов, которые в прошлом не раз ставили предел кредитной инфляции в виде банковских крахов и промышленных депрессий.

В книге Ротбард последовательно и с блеском применяет подход, рассмотренный выше в связи с вопросом о создании ФРС, к экономической истории для выявления причин и последствий событий и влияния различных институтов на всем протяжении истории кредитно-денежной системы США, от колониальных времен до эпохи Нового курса. Одно из важных преимуществ уникального подхода Ротбарда заключается в том, что ему удастся убедительно рассказать о ходе развития банковского сектора в США, выявляя при этом связи между мотивами и планами, зачастую скрытыми и имеющими окольный характер, с результатами, которые порой оказываются трагическими. И это увлекательное изложение истории кредитных учреждений может научить гораздо большему, чем корпение над бесконечными статистическими выкладками.

Хотя пять частей этой книги создавались независимо друг от друга, она содержит довольно связное изложение более чем трехсотлетней истории денег в США, с очень незначительным числом повторов. Часть 1 «История денег и банков до начала XX столетия» была написана в качестве мнения меньшинства в Комиссии США по золотому стандарту и рассматривает эволюцию денежной системы США от ее за-

рождения в колониальную эпоху до конца XIX столетия⁶⁹. В этой части Ротбард детально рассматривает две ранние провалившиеся попытки финансовой элиты навязать молодой республике своего рода центральный банк. Он демонстрирует инфляционные последствия операций этих привилегированных банков, Первого и Второго банка Соединенных Штатов, действовавших, соответственно, в 1791–1811 и 1816–1833 гг. Затем Ротбард обсуждает либертарианские идеологические движения Джефферсона и Джэксона, которым удалось избавиться от этих централистских и порождавших инфляцию организаций. После чего следует рассмотрение эры сравнительно свободного и децентрализованного банковского дела, продлившейся от 1830-х гг. до Гражданской войны и пагубного влияния войны на кредитно-денежную систему США. Часть 1 завершается анализом и критикой национальной банковской системы, утвердившейся после Гражданской войны. Ротбард описывает, как этот режим, энергично проводившийся инвестиционным банком, сумевшим монополизировать право размещения правительственных облигаций на рынке, централизовал банковское дело и дестабилизировал экономику, что привело к серии финансовых кризисов, проторивших путь для введения Федеральной резервной системы.

Часть 2 «Происхождение Федеральной резервной систе-

⁶⁹ Rep. Ron Paul and Lewis Lehrman, *The Case for Gold: A Minority Report of the U. S. Gold Commission* (Washington, D. C: Cato Institute, 1982), pp. 17–118.

мы» – это статья, длительное время пролежавшая в столе и недавно опубликованная в журнале «Куотерли джорнэл оф остриан эконоимике»⁷⁰. Основное содержание статьи рассмотрено нами выше.

Часть 3 содержит не публиковавшуюся до сих пор статью «От Гувера до Рузвельта: Федеральная резервная система и финансовая элита». Здесь Ротбард выявляет финансовые интересы и идеологию, под влиянием которых Федеральный резерв организовал почти непрерывное наращивание денежной массы от момента своего создания в 1914 г. до 1928 г. Эта часть также включает анализ того, как совпадения и конфликты финансовых интересов групп Моргана и Рокфеллера формировали политику и поведение Федерального резерва в период президентства Гувера и в первый срок президентства Рузвельта, а также анализ международной и внутренней кредитной и финансовой политики в период правления президента Рузвельта.

Часть 4 «Золотовалютный стандарт в межвоенные годы» была опубликована в сборнике статей о деньгах и государстве⁷¹. В настоящем издании эта статья впервые публикуется в первоначальном нецензурированном виде. Ротбард объяс-

⁷⁰ Murray N. Rothbard, "The Origins of the Federal Reserve System," *Quarterly Journal of Economics* 2, no. 3 (Fall 1999): 3–51.

⁷¹ Murray N. Rothbard, "The Gold-Exchange Standard in the Interwar Years," in *Money and the Nation State: The Financial Revolution, Government and the World Monetary System*, Kevin Dowd and Richard H. Timberlake, Jr., eds. (New Brunswick, N. J.: Transactions Publishers, 1998), pp. 105–63.

няет, почему в 1920-х гг. правительства США и Великобритании так стремились к воссозданию международной валютной системы на базе этой глубоко порочной, чреватой инфляцией карикатуры на классический золотомонетный стандарт. Ротбард также анализирует «внутренние противоречия» золотовалютного стандарта, которые привели к отказу от него в начале 1930-х гг.

Часть 5 «Новый курс и международная денежная система» была прежде опубликована в сборнике статей, посвященном международной политике времен Нового курса⁷². Здесь Ротбард доказывает, что в период Нового курса как раз накануне вступления США во Вторую мировую войну произошло резкое изменение в международной денежной политике США. Он анализирует экономические интересы, готовившие радикальную трансформацию политики Нового курса и получившие выгоду от этого: от «долларового национализма» периода 1930-х гг. до агрессивного «долларового империализма», набравшего силу в период войны и приведшего к заключению Бреттон-Вудского соглашения в 1944 г.

Джозеф Салерно

Университет Пейс

⁷² Murray Rothbard, "The New Deal and the International Monetary System," in *Watershed of Empire: Essays on New Deal Foreign Policy*, Leonard P. Liggio and James J. Martin, eds. (Colorado Springs, Colo.: Ralph Myles, 1976), p. 19.

Часть I

История денежного обращения и банковского дела в США до начала XX столетия

Будучи аванпостом Великобритании, американские колонии, разумеется, использовали в качестве денег британские фунты, penland банксе и шиллинги. В Британии был принят серебряный стандарт, и шиллинг равнялся 86 тройским гранам серебра (в гране 0,0648 г), а серебро имело статус узаконенного средства платежа по всем долгам (иными словами, кредиторы были обязаны принимать серебро по этой цене). Впрочем, Британия также чеканила золото и фактически придерживалась биметаллического стандарта, так что золотая гиней, содержащая 129,4 грана золота, имела строго определенный серебряный эквивалент. В силу этого и золото имело статус узаконенного средства платежа. К несчастью, утвердив биметаллический стандарт, Британия получила малоприятную болезнь, известную как закон Грэшема, в соответствии с которым если правительство завышает покупательную способность одного вида денег, а другой их вид оказывается недооцененным, то деньги второго вида утекают за границу или в сундуки накопителей, а в обращении

остаются исключительно деньги первого вида. В афористичной форме закон этот звучит так: «Плохие деньги вытесняют хорошие». Но важно иметь в виду, что триумф «плохих» денег не порожден капризом рыночной конкуренции, а создан правительством, злоупотребившим властью завышать покупательную способность одного узаконенного средства платежа и занижать – другого.

В XVII–XVIII вв. правительства Британии упорно поддерживали слишком высокую относительно уровня мирового рынка цену на золото и заниженную цену на серебро, так что в результате полновесные серебряные монеты уходили из страны, а золотые – приходили в страну, и в обращении оставались только изношенные и «легковесные» серебряные монеты. Попытки откорректировать обменный курс золота по отношению к серебру были неизменно запоздалыми и малоэффективными⁷³.

В малонаселенных американских колониях роль денег, как и должно было случиться, стали выполнять полезные и редкие товары, которые быстро заняли место общего средства обмена. Таким образом, на севере при обмене с индей-

⁷³ В конце XVII и в начале XVIII в. Британия поддерживала обменный курс между граном серебра и граном золота в пределах от 15,1 к 1 до 15,5 к 1. А на мировом рынке под давлением сил спроса и предложения действовал курс 14,9 к 1. Таким образом, цена серебра была все время занижена, а золота – завышена. В XVIII в. положение стало еще хуже, потому что добыча золота в Бразилии выросла, а добыча серебра в Перу понизилась, так что обменный курс золота упал до 14,1 к 1. При этом правительство Британии поддерживало неизменное курсовое соотношение между золотыми и серебряными монетами.

цами роль денег выполняли бобровые шкуры и бусы из ракушек, а также рыба и зерно. В Южной Каролине роль денег выполнял рис, а самым распространенным видом товарных денег являлся табак, исполнявший роль денег в Виргинии. Основной денежной единицей был «фунт табака», а на рынке имели хождение складские расписки за принятый табак, на 100 % обеспеченные запасом табака на складе.

По мере развития колоний товарные деньги были вытеснены из городов и сохранили хождение только в сельской местности, а для ведения торговли в городах и с другими странами использовались импортированные золотые и серебряные монеты. Монеты импортировали не только из Британии, но и из других европейских стран. На рынке золотых монет ходили французские гиней, португальские «жуаны», испанские дублоны и бразильские монеты, а среди серебряных монет нередко встречались французские кроны и ливры.

Важно понять, что золото и серебро – это международно признанные товары, и если нет правительственного запрета, иностранные монеты отлично могут обслуживать функции обмена и накопления. Правительство страны совсем не обязано монополизировать чеканку денег, и в Соединенных Штатах иностранные золотые и серебряные монеты имели широкое хождение до 1857 г., когда Конгресс запретил их использование. Таким образом, в условиях свободного рынка участие в обороте иностранных монет вполне естествен-

но. В таких условиях ценность монет определяют по их весу, а обменный курс между золотом и серебром устанавливается рынком по соотношению спроса и предложения.

Манипуляции с шиллингом и долларом

Самой популярной монетой в Америке был испанский серебряный доллар, который по закону содержал 387 гран чистого серебра. Доллар делился на «восьмушки», или «биты», каждая весом в одну восьмую доллара. Испанские доллары попадали в североамериканские колонии в результате прибыльной торговли с островами Вест-Индии. Испанские серебряные доллары пользовались мировой популярностью с начала XVI в., и во многом это объяснялось богатством серебряных рудников в испанских колониях в Латинской Америке. Впрочем, важнее было то, что с XVI по XIX в. испанский доллар оставался относительно самой стабильной и полновесной монетой западного мира⁷⁴.

Поскольку в испанском долларе было 387 гран серебра, а в английском шиллинге – 86 гран, естественный рыночный

⁷⁴ Название «доллар» произошло от «талер», как называлась монета такого же веса, чеканившаяся с начала XVI в. графом Шликом в Богемии, в Иоахимстале, отчего была известна так же как ликенталер» и «иоахимсталер». Вес иоахимсталера составлял 451 гран чистого серебра. Монеты были настолько популярны, что сходные талеры начали чеканить в Бургундии, Голландии и Франции; наибольшей славой пользовались талеры Марии-Терезии, которые начали чеканить в 1751 г. и с этого времени составляли значительную часть монет, циркулировавших на рынках Северной Америки. Испанские «восьмушки» стали называть долларами после 1690 г.

курс составлял 4 шиллинга 6 пенсов за 1 доллар⁷⁵.

Можно предположить, что целью постоянных жалоб жителей колоний, подхваченных позднее некоторыми историками, на «нехватку денег», прежде всего звонкой монеты, было оправдать многочисленные предприятия по выпуску бумажных денег, которые должны были восполнить этот «дефицит». На самом деле никакой нехватки денег не было. Верно, разумеется, что Англия, следовавшая логике меркантилизма, охраняла свою прерогативу на эмиссию денег и запрещала чеканку денег в колониях, а также не разрешала экспорт английских монет. Но это не означало, что колониям негде было разжиться наличностью: деньги приходили из Испании и других стран, в том числе и монеты английской чеканки. На самом деле, как мы увидим ниже, именно эмиссия бумажных денег привела, по закону Грэшема, к вытеснению звонкой монеты из торгового оборота.

Власти в колониях также исповедовали меркантилизм и, стремясь к накоплению запасов золота и серебра, рано занялись манипуляциями с курсом собственных денег по отношению к испанскому доллару. При том что естественный курс составлял 4 шиллинга 6 пенсов за 1 доллар, правительство Массачусетса в 1642 г. постановило, что испанский доллар должен стоить 5 шиллингов. Идея заключалась в том, чтобы привлечь в страну испанские доллары, с одной сторо-

⁷⁵ Поскольку в одном фунте стерлингов 20 шиллингов, соотношение было таким: 1 ф. ст. = 4,44 долл.

ны, и, понизив цену экспортных товаров в долларах, сделать их более привлекательными для заграницы. Вот так Массачусетс в 1642 г. начал общий для всех колоний конкурентный процесс обесценивания шиллинга. Вскоре тем же путем двинулись Коннектикут и другие колонии, причем процесс шел по нарастающей. В результате шиллинг быстро обесценивался, а внутренние цены росли, так что временные экспортные стимулы очень быстро сходили на нет. Кончилось тем, что в 1707 г. правительство Великобритании положило конец этой инфляционистской суете.

Но к этому времени правительства колоний уже нашли куда более эффективный инструмент инфляции – государственные неразменные бумажные деньги.

Государственные бумажные деньги

Не считая Средневекового Китая, где бумагу и процесс печатания изобрели намного раньше, чем на Западе, мир познакомился с государственными бумажными деньгами только в 1690 г., когда правительство Массачусетса эмитировало неразменные бумажные деньги⁷⁶⁷⁷. Колонисты Массачусетса нередко устраивали грабительские набеги на процветающую французскую колонию в Квебеке. Обычно набеги были успешными, и по возвращении в Бостон добычу продавали, а из выручки выдавали плату солдатам. На этот раз предприятие не заладилось, экспедиция вернулась без трофеев, а солдаты были раздражены и требовали денег. Недовольство войск чревато бунтом, и правительству Массачусетса при-

⁷⁶ Государственные бумажные деньги, размениваемые на золото, начали выпускать в начале XVII в., и только через три столетия государства дошли до эмиссии денег, не подлежащих размену на золото, результатом чего стали обычные циклы бумов и спадов, а также неконтролируемая инфляция (См.: Gordon Tullock, "Paper Money – A Cycle in Cathay," *Economic History Review* 9, no. 3 (1957): 393–396.

⁷⁷ Единственным исключением был выпуск в Квебеке пятью годами ранее курьезной формы бумажных денег, так называемых «карточных денег». Правивший Квебеком интендант, меье Мюэль, разрезал игральные карты на четыре части, присвоил им значение денежных знаков и выдавал в качестве заработной платы и в уплату за продаваемые правительству товары. Его декретом они были объявлены узаконенным средством платежа, а когда из Франции пришел корабль со звонкой монетой, эти четвертушки карт были обменены на деньги.

шло в спешке изыскивать возможность заплатить наемникам. Оно попыталось занять 3–4 тысяч фунтов стерлингов у бостонских купцов, но, видимо, кредитный рейтинг правительства был недостаточно высок – денег в долг не дали. Тогда в декабре 1690 г. было решено отпечатать банкнот на 7000 фунтов стерлингов, чтобы расплатиться с солдатами. Подозревая, что публика не примет бумаг, не обмениваемых на звонкую монету, правительство взяло на себя два обязательства: во-первых, в ближайшие несколько лет, по мере поступления налогов, эти деньги будут обменены на золото или серебро, и, во-вторых, больше бумажных денег выпускаться не будет. Характерно, что очень скоро оба обещания были отправлены за борт. Выпущенных денег хватило всего на пару месяцев, а обмена на золото и серебро пришлось ждать почти 40 лет. Уже в феврале 1691 г. правительство Массачусетса объявило, что выпущенных денег «не хватило», а потому оно эмитирует бумажных денег еще на 40 000 фунтов стерлингов, чтобы расплатиться с самыми неотложными долгами, но уж этот выпуск будет наверняка последним.

Вскоре обнаружилось, что с ростом выпуска бумажных денег сомнение в их конвертируемости в звонкую монету растет, а спрос на них падает, так что за год бумажный фунт обесценился на 40 %.

В 1692 г. правительство решило применить силу для борьбы с обесцениванием, и декретом объявило, что бумаж-

ные деньги должны приниматься по номиналу в уплату по всем обязательствам наравне со звонкой монетой, и назначило 5 %-ную премию за оплату бумажными деньгами всех правительственных сборов. Последствия в соответствии с законом Грэшема оказались нежелательными: в колониях металлические деньги исчезли из оборота. Кроме того, расширение выпуска бумажных денег вело к росту цен и препятствовало экспорту товаров. Таким образом, «нехватка» звонкой монеты была не причиной обращения к эмиссии бумажных денег, а ее прямым результатом. Так, в 1690 г., до того как был запущен печатный станок, в Новой Англии в обороте было серебряных монет на 200 000 фунтов стерлингов, а в 1711 г., когда к эмиссии бумажных денег подключились Коннектикут и Род-Айленд, и номинальный объем эмиссии составил 240 000 фунтов стерлингов, серебро почти исчезло из оборота.

Весьма любопытно, что выпуск бумажных денег не разрешил, а создал проблему «дефицита денег». Новые бумажные деньги вытеснили из обращения звонкую монету. Для публики единственными результатами оказались рост цен и обесценивание бумажных денег. Но поскольку выпускались-то эти деньги для финансирования правительственных расходов и для уплаты правительственных долгов, правительство и выиграло от всего этого.

В 1711 г. правительство Массачусетса для погашения долга перед участниками очередного неудачного грабительско-

го рейда все на тот же Квебек эмитировало уже 500 000 фунтов стерлингов, что окончательно выдавило серебряные деньги из обращения, а покупательная способность бумажных денег упала на 30 %. Массачусетские фунты при номинальном курсе 7 шиллингов за одну унцию серебра упали на рынке до 9 шиллингов за унцию. Для поддержания курса бумажных денег правительство обратилось к самым свирепым мерам: за отказ принимать их по номиналу нарушителям грозили штрафы, тюрьма и даже конфискация имущества, но обесценивание продолжалось в этой и в других колониях.

Несмотря на то что результатом выпуска бумажных денег оказалось углубление их дефицита, правительство Массачусетса продолжало гнуть свое: в 1716 г. оно создало государственный «земельный банк» и эмитировало 100 000 бумажных фунтов стерлингов, чтобы выдавать ссуды под залог недвижимости.

Рост цен оказался настолько значительным, что общественное мнение начало склоняться против бумажных денег, поскольку, как указывали тогдашние авторы, результатом их выпуска стало удвоение цен за прошедшие 20 лет, обесценивание денег и исчезновение из оборотов испанских серебряных монет, ставших жертвою закона Грэшема. Под давлением имперского правительства власти Массачусетса время от времени предпринимали вялые шаги для вывода банкнот из обращения и возврата к металлическим деньгам, но этому,

видимо, мешало обязательство принимать по номиналу бумажные деньги других колоний Новой Англии.

В 1744 г. еще одна экспедиция вернулась из набега на Квебек несолоно хлебавши, и Массачусетс отважился на грандиозное расширение эмиссии бумажных денег. С 1744 по 1748 г. объем банкнот в обращении увеличился с 300 000 до 2,5 млн фунтов стерлингов, но и падение их курса было соответствующим – рыночная цена унции серебра поднялась до 60 шиллингов, т. е. выросла в 10 раз по сравнению с 1690 г., когда был осуществлен первый выпуск бумажных денег.

К 1740 г. в процессе выпуска бумажных денег участвовали уже все колонии, кроме Виргинии, которая преодолела отставание в конце 1750-х гг., когда понадобилось финансировать войну с французами и индейцами (Семилетняя война). Последствия для всех колоний были одинаковыми – значительная инфляция, нехватка металлических денег, падение курса бумажных денег против номинала. По сравнению с исходным уровнем курс бумажных денег по отношению к серебряным в Массачусетсе упал до 11 к 1, в Коннектикуте – до 9 к 1, в Каролине – до 10 к 1, а беспощадно настроенные инфляционисты колонии Род-Айленд «добились» снижения курса до 23 к 1. Даже в сдержанной Пенсильвании курс серебряных денег вырос относительно бумажных на 80 %.

Опыт Нью-Джерси показывает, каким образом эмиссия бумажных денег в колониальный период создавала цикличность экономической конъюнктуры. Когда в хозяйство

впрыскивали очередную порцию бумажных денег, возникал инфляционный бум, который сменялся дефляционной депрессией в ожидании очередной эмиссии⁷⁸.

В 1748 г., по окончании войны с Францией, король Георг начал требовать от колоний изъятия бумажных денег и возвращения к металлическим. В 1751 г. Великобритания запретила дальнейшую эмиссию бумажных денег в колониях Новой Англии и приказала приступить к обмену выпущенных денег на звонкую монету. Наконец, в 1764 г. парламент распространил запрет на печатание денег на все остальные североамериканские колонии и потребовал постепенного вывода их из обращения.

Колонии Новой Англии, за исключением Род-Айленда, решили подчиниться британскому парламенту и вернуться к металлическим деньгам, а бумажные – выкупить по рыночному курсу. Противники, как и обычно, пророчили, что результатом окажется полная демонетизация хозяйства колоний и прекращение торговли. На деле, однако, все получилось ровно наоборот. После короткого периода адаптации производство и торговля начали расти, а надежные деньги и низкие цены обеспечили приток металлических денег. И вот показательное сравнение. Когда Массачусетс уже вернулся к звонкой монете, а Род-Айленд все еще держался за обесцененные бумажные деньги, Ньюпорт, который прежде был

⁷⁸ Donald L. Kemmerer, "Paper Money in New Jersey, 1668–1775," *New Jersey Historical Society, proceedings* 74 (April 1956): 107–144.

процветающим центром импорта из Вест-Индии, обслуживавшим западные районы Массачусетса, пришел в упадок, а торговля переместилась в Бостон⁷⁹⁸⁰.

Как заметил один из исследователей колонии Массачусетс, возврат к звонкой монете прошел на редкость гладко – практически без сбоев в торговле, спадов или падения цен. Более того, цены на хлеб меньше снизились в Бостоне, чем в Филадельфии, где в начале 1750-х гг. еще были в ходу бумажные деньги. Внешняя торговля практически не пострадала, и «хозяйство, после восстановления в правах метал-

⁷⁹ До возвращения Массачусетса к металлическим деньгам он нес обязательство принимать по номиналу бумажные деньги других колоний Новой Англии. Род-Айленду оказалась выгодна крайне высокая инфляция, потому что эта небольшая колония, много чего покупавшая в соседнем Массачусетсе, могла по номиналу сбывать там свои обесцененные деньги. Таким образом, Род-Айленд занимался экспортом своей инфляции, успевая сделать закупки до того, как в ответ успевали вырасти цены в Массачусетсе. Короче говоря, Род-Айленду удавалось перекачивать к себе богатства Массачусетса, а основной ущерб от инфляции несли соседи.

⁸⁰ Если Род-Айленд отличался самым высоким темпом инфляции, то в Мэриленде этот процесс носил наиболее гротескный характер. В 1733 г. государственный земельный банк Мэриленда эмитировал банкноты на сумму 70 000 ф. ст., из которых 30 000 ф. ст. *раздали* поровну каждому жителю колонии. Замысел состоял в том, чтобы сделать использование этих денег повсеместным. Возможно, в истории не было более точного воспроизведения придуманной Милтоном Фридменом модели «вертолета», в которой с волшебного вертолета новые деньги разбрасываются поровну каждому жителю страны. Результатом, разумеется, оказывается быстрое обесценивание денег. Инфляционное воздействие такого рода политики сильно смягчалось тем, что в новой колонии основным видом валюты еще оставался табак. В Мэриленде табак являлся узаконенным средством платежа, и не все налоги можно было заплатить бумажными деньгами.

лических денег в 1750 г., функционировало с поразительной стабильностью на протяжении всей Семилетней войны и в период расстройств системы международных платежей в последние годы перед Революцией»⁸¹.

Поскольку правительство не объявило звонкую монету вне закона, она, несмотря на введение бумажных денег, оставалась в обороте до конца колониального периода. Невзирая на инфляцию, бумы, кризисы и созданный выпуском бумажных денег дефицит звонкой монеты, металлические деньги оказались очень надежными: «Там действовал серебряный стандарт... в отсутствие учреждений центрального правительства, которые бы направляли работу рынка серебра, и несмотря на отсутствие государственного или частного центрального банка, который бы регулировал ставки процента, или управлял резервом металлических денег, или регулировал бы обменные курсы с целью стабилизации валюты. Рынок... поддерживал обменный курс поразительно близко к установленному законом уровню... И самым замечательным здесь было то, что система платежей на основе металлических денег работала на протяжении XVII–XVIII столетий»⁸².

⁸¹ Roger W. Weiss, "The Colonial Monetary Standard of Massachusetts," *Economic History Review* 27 (November 1974): 589.

⁸² *Ibid.*, p. 591.

Банкноты частных банков

В отличие от государственных бумажных денег в Западной Европе уже в XIV в. венецианские банкиры эмитировали банкноты и депозиты, размениваемые на звонкую монету. И в античные времена, и в Средние века существовали фирмы, предоставлявшие кредит, но эти «ростовщики» давали в долг из собственных сбережений. «Банковское дело», т. е. предоставление ссуд из средств вкладчиков банка, возникло в Англии только в начале XVII в. Начало положили нотариусы, которые оформляли тексты контрактов и долговых обязательств, а потому, имея возможность быть в курсе всех торговых сделок, сами начали брать деньги займы и предоставлять ссуды⁸³.

Однако до Гражданской войны середины XVII в. в Англии не было банков, принимавших вклады. Купцы из предосторожности отдавали ненужное для торговли золото на королевский монетный двор. Решение оказалось неудачным, потому что когда в 1638 г., незадолго до начала Гражданской войны, Карлу I потребовались деньги, он конфисковал золото на сумму 200 000 фунтов стерлингов, и назвал это «ссудой».

⁸³ До того как в XVI в. увеличилось число нотариусов, большую часть кредитов в Англии предоставляли даже не специализированные фирмы, а богатые купцы, торговавшие одеждой и шерстью и отдававшие в рост избыточные для оборота средства (см.: J. Milnes Holden, *The History of Negotiable Instruments in English Law* (London: Athlone Press, 1955), pp. 205–206).

дой». В конце концов, купцам удалось вернуть свое золото, но депозитарными услугами монетного двора больше не пользовались, а золото на хранение передавали теперь частным ювелирам, которые тоже умели надежно хранить драгоценный металл. Вскоре при расчетах начали вместо золота использовать складские расписки ювелиров. В 1660-х гг., к концу Гражданской войны, ювелиры поддались соблазну и начали печатать и ссужать псевдоскладские расписки, не имевшие золотого покрытия. Так в Англии появились банки с частичным резервированием⁸⁴.

В колониальные времена в Америке существовало мало частных банков, и жизнь их была достаточно скоротечной. Наиболее известен был Массачусетский земельный банк, созданный в 1740 г., который занимался эмиссией банкнот и выдачей их в ссуду под залог недвижимости. Земельный банк был создан как альтернатива инфляционной эмиссии бумажных денег, которую губернатор пытался ограничить. Банк эмитировал банкноты, не подлежащие погашению звонкой монетой, и многих эта неконвертируемость пугала, в силу чего и был основан частный серебряный банк,

⁸⁴ И в этом случае также первые банковские депозиты и частичное резервирование появились в Китае. Прием вкладов начался в VIII в. новой эры, когда некоторые заведения начали принимать на хранение ценное имущество, выдавая складские расписки и получая деньги за хранение. Довольно скоро эти складские расписки начали циркулировать в качестве денег. Уже через два столетия они начали эмитировать и давать в долг расписки на большие суммы, чем имели на хранении, «подсев на иглу» частичного резервирования вкладов (Tullock, "Paper Money," p. 396).

банкноты которого подлежали размену на серебро. Земельный банк быстренько выпустил непогашаемых банкнот на сумму более 49 000 фунтов стерлингов, и они столь же быстро обесценились. Уже через полгода публика почти единодушно отказалась принимать эти банкноты, так что они остались на руках только у сторонников проекта. Развязка наступила в 1741 г., когда парламент в ответ на жалобу нескольких массачусетских купцов и губернатора одним махом отменил и земельный, и серебряный банк.

В истории Массачусетского земельного банка и аналогичных инфляционных проектов интригует то, что в колониях их поддерживали и защищали некоторые богатейшие торговцы и земельные спекулянты. От инфляции выигрывают должники, а кредиторы терпят убытки; осознавая это, прежние историки предполагали, что должниками были преимущественно бедные аграрии, а кредиторами – богатые купцы, а значит, именно первые были главными организаторами и сторонниками этой инфляционной затеи. Дело в том, что невозможно жестко разделить публику на должников и кредиторов; земельные спекулянты и богатые купцы бывают нередко основными потребителями кредитов. Позднейшие историки показали, что именно торговцы и земельные спекулянты поддерживали проекты бумажных денег в колониях⁸⁵⁸⁶.

⁸⁵ О Массачусетском земельном банке см. содержательную работу: George Athan Billias, “The Massachusetts Land Bankers of 1740,” *University of Maine*

Bulletin 61 (April 1959). О поддержке инфляционной эмиссии торговцами Массачусетса см.: Herman J. Belz, "Paper Money in Colonial Massachusetts," Essex Institute, *Historical Collections* 101 (April 1965): 146–163; и Herman J. Belz, "Currency Reform in Colonial Massachusetts, 1749–1750," Essex Institute, *Historical Collections* 103 (January 1967): 66–84. О силах, благосклонно относившихся к инфляционным проектам в колониях, см.: Bray Hammond, *Banks and Politics in America* (Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1957), chap. 1; Joseph Dorfman, *The Economic Mind in American Civilization, 1606–1865* (New York: Viking Press, 1946), p. 142.

⁸⁶ Отличное биографическое эссе о деньгах и банковском деле в колониальный период см.: Jeffrey Rogers Hummel, "The Monetary History of America to 1789: A Historiographical Essay," *Journal of Libertarian Studies* 2 (Winter 1978): 373–389. Обзор истории денег в колониальный период см.: Murray N. Rothbard, *Conceived in Liberty*, vol. 2, *Salutary Neglect, The American Colonies in the First Half of Eighteenth Century* (New York, N. Y.: Arlington House, 1975), pp. 123–140. Чрезвычайно поучительный анализ дан в классической работе: Charles Jesse Bullock, *Essays on the Monetary History of the United States* (New York: Greenwood Press, [1900] 1969), pp. 1–59. Современные данные по этому периоду см.: Roger W. Weiss, "The Issue of Paper Money in the American Colonies, 1720–1774," *Journal of Economic History* 30 (December 1970): 770–784.

Финансирование войны за независимость

Для финансирования войны за независимость Континен-тальный конгресс без особых размышлений принял за эмиссию бумажных денег. Лидером сторонников бумажных денег был Гаувернер Моррис, чрезвычайно предусмотрительный молодой наследник аристократической семьи нью-йоркских землевладельцев. Не было обещаний выкупить эти деньги даже в будущем, но предполагалось, что через семь лет они будут изъяты из обращения за счет налогов, кото-рые пропорционально установят разные государства. Таким образом, намечалось дополнить инфляционную эмиссию бу-мажных денег бременем будущих налогов. Но про обещание изъять эти деньги из обращения вскоре забыли, потому что Конгресс, будучи в восторге от этой новой, не требующей никаких усилий формы получения доходов, расширил эмис-сию неразменных бумажных денег. Как заметил один исто-рик, «так возникла “федеральная кормушка”, один из самых нерушимых институтов Америки»⁸⁷.

Объем денежной массы в начале войны за независимость оценивается в 12 млн долл. В июне 1775 г. по распоряжению

⁸⁷ Edmund Gody Burnett, *The Continental Congress* (New York: W. W. Norton, 1964), p. 83.

Конгресса были напечатаны первые 2 млн долл., но типография еще не успела справиться с этим заказом, как было решено, что понадобится еще 1 млн долл. До конца этого года успели эмитировать или утвердить решение об эмиссии 6 млн долл., так что количество денег в обращении выросло за год на целых 50 %.

В следующие несколько лет выпуск «континентальных» денег быстро наращивался. 6 млн долл. были напечатаны в 1775 г., 19 млн долл. – в 1776 г., 13 – в 1777 г., 64 – в 1778 г. и 125 млн долл. – в 1779 г. Сверх 12 млн долл. денежной массы, которые были в обращении к началу войны, за пять лет напечатали 225 млн долл. Естественным результатом был быстрый рост «бумажных» цен и параллельное обесценение бумажных денег. Так, в конце 1776 г. соотношение между бумажным долларом, или континенталом, и серебряным долларом было 1 к 1 или к 1,25, к концу следующего года – 3 к 1, к декабрю 1778 г. курс упал до 6,8 к 1, а к декабрю 1779 г. – до 42 к 1. К весне 1781 г. континентальные доллары практически обесценились: на рынке за один серебряный доллар можно было купить 168 бумажных. Возникла даже поговорка «не стоит континентала».

В довершение всех бед несколько штатов выпустили собственные бумажные деньги, и они обесценивались каждая со своей скоростью. Инфляционную гонку возглавили Виргиния и Каролина, которые к концу войны добавили 210 млн долл. к 225 млн долл. федеральной денежной массы.

В попытке сдержать инфляцию и обесценение денег разные штаты декретировали потолок цен и потребовали принимать деньги по номиналу. Результатом оказались только дефицит и материальные затруднения для значительных групп населения. Так, солдатам платили континентальными долларами, а фермеры, естественно, несмотря на всевозможные постановления, отказывались их принимать. Армия перешла к «реквизициям» продовольствия и всего необходимого, оставляя фермерам и лавочникам груды бесполезных бумажек. В 1779 г., когда континентальные доллары практически уже обесценились, федеральная армия усилила реквизиционный режим, расплачиваясь квитанциями или «сертификатами», которые в изобилии выпускали интендантские службы армии. Штаты последовали примеру и на выпускали собственных сертификатов. К концу войны только федеральных сертификатов было выпущено на 200 млн долл., и стоимость их, как легко понять, была почти нулевой.

Подкупающей чертой этой денежной катастрофы было то, что правительства – штатов и федеральное – дали этим деньгам сгинуть бесследно и не потребовали, чтобы налогоплательщики взвалили на себя еще и выкуп этих денег даже не по номиналу, но по рыночной цене⁸⁸. Федеральные доллары

⁸⁸ По объяснению одного историка, «деньги и сертификаты составляли часть «общего долга» революции, и к концу войны все это мало что стоило. Общественное мнение... предъявляло претензии к федеральному правительству в порядке их значимости. Бумажные деньги стояли на последнем месте» (E. James Ferguson, *The Power of the Purse: A History of American Public Finance, 1776–1790* (Chapel

вообще не были погашены, а бумажные деньги штатов были выкуплены, но по очень низкому курсу, иногда даже по их рыночной стоимости⁸⁹. К концу войны все выпущенные в военное время бумажные деньги штатов были выведены из обращения.

К сожалению, подобную политику не применили к другому платежному инструменту, который запустил в обращение Конгресс в 1779 г., когда бумажные деньги уже практически обесценились – к долговым сертификатам. В чисто техническом смысле это был государственный долг, но, конечно же, это не были обычные облигации. Долговые сертификаты выпускало правительство для оплаты военных поставок, а торговцы принимали их только потому, что никак иначе правительство расплатиться не могло. В силу этого долговые сертификаты быстро превратились в еще одну разновидность наличности и быстро обесценились. Уже к концу 1779 г. за них давали серебром по курсу 24 к 1. К концу войны долговых сертификатов выпустили на сумму 600 млн долл. Ряд позднейших выпусков был выкуплен по рыночному курсу, но большинство их осталось в обращении, и по окончании войны они образовали существенную часть федерального долга мирного времени.

Большая часть обесценившихся долговых обязательств –

Hill: University of North Carolina Press, 1961), p. 68).

⁸⁹ В Виргинии и Джорджии выпущенные штатами деньги были обменены на звонкую монету по курсу 1000 к 1.

штатов и федеральных – могла быть ликвидирована к концу войны, но процесс был остановлен и обращен вспять усилиями Роберта Морриса, богатого филаделфийского торговца, который в последние годы войны являлся фактически главным экономистом и финансовым царем Континентального конгресса. Моррис, лидер федералистских сил в американской политике, выступил за то, чтобы обесценившиеся федеральные долговые обязательства были погашены по номиналу, а также призывал федеральное правительство принять на себя различные долги штатов. Замысел был двояким: (а) обогатить спекулянтов, которые по дешевке скупили обесцененные долговые обязательства, оплатив звонкой монетой по номиналу основную сумму долга и проценты⁹⁰; и (б) возбудить движение за наделение Конгресса правом собирать налоги (по «Статьям Конфедерации», т. е. договору об образовании конфедерации 13 штатов, Конгресс такого права не имел) Замыслы сторонников децентрализации, которые хотели исключительно за штатами сохранить право устанавливать и собирать налоги, а также выпускать новые бумажные деньги для оплаты федеральных долгов, были разрушены принятием Конституции и победой сторонников федерализма, возглавлявшихся Александром Гамильтоном, учеником и бывшим помощником Морриса.

⁹⁰ Моррис откровенно признавал, что обогащение спекулянтов долговыми обязательствами за счет налогоплательщиков направит богатства «в руки тех, кто сможет их использовать с наибольшей пользой» (Ferguson, *Power of the Purse*, p. 124).

Банк Северной Америки

Представления Морриса о будущем не ограничивались сильным центральным правительством, правом федерального правительства устанавливать налоги и перекладыванием госдолга на плечи налогоплательщиков. Весной 1781 г., вскоре после того как его экономический авторитет в Конгрессе стал незыблемым, Моррис представил законопроект о создании первого коммерческого, а заодно и первого центрального банка в истории новой республики. Этот банк, возглавленный самим Моррисом, Банк Северной Америки, был не только первым коммерческим банком с частичным резервированием в истории США, но и представлял собой находившийся в частных руках центральный банк, созданный по образцу Банка Англии. Основой денежной системы были сделаны металлические деньги, но с возможностью ограниченно наращивать инфляционную пирамиду денег и кредитов на базе резервов звонкой монеты.

Банк Северной Америки быстро получил федеральную лицензию и в начале 1782 г. распахнул двери. Среди прочего банк получил привилегию – его банкноты подлежали приему по номиналу всеми правительственными учреждениями в качестве оплаты сборов и налогов. Кроме того, никакие другие банки не получили права действовать на территории страны. В обмен за монополию на выпуск бумаж-

ных денег банк любезно обязался ссужать печатаемые им деньги федеральному правительству для выкупа правительственных долговых обязательств, каковые ссуды подлежали погашению за счет незадачливых налогоплательщиков. Банку Северной Америки доверили также держать все средства Конгресса. Первый центральный банк США быстро выпустил 1,2 млн долл. и ссудил их Конгрессу, возглавлявшемуся тем же Робертом Моррисом⁹¹.

Несмотря на всю власть и влияние Роберта Морриса и монопольные привилегии его банка, рынок чувствовал, что курс его банкнот по отношению к звонкой монете завышен. Банк обещал свободный размен своих банкнот на металлические деньги, но рынок не верил, и за пределами родной Филадельфии их курс был ниже номинала. Банк даже попытался поднять курс, для чего специально нанятые люди уговаривали тех, кто требовал обмена бумаги на металл, не настаивать на этом, чтобы не разрушить все. Очень странно, что таким путем собирались укрепить доверие к банку.

⁹¹ Когда Моррис не смог добыть требуемую законом сумму для внесения в уставный капитал Банка Северной Америки, он совершил совершенно жульнический финт. Он просто присвоил деньги, одолженные США Францией, и от имени правительства вложил их в свой собственный банк. Таким образом, источником уставного капитала этого частного банка стали средства правительства. Затем эти средства банк Морриса ссудил Моррису как правительственному финансисту, а выгоду от этого получил Моррис как банкир. Наконец, все тот же Моррис истратил большую часть этих денег на военные закупки у своих друзей и деловых партнеров (Murray N. Rothbard, *Conceived in Liberty*, vol. 4. *Revolutionary War, 1775–1784* (New Rochelle, N. Y.: Arlington House, 1979), p. 392).

Проработав год, Моррис почувствовал, что с окончанием войны его политическое влияние быстро тает, и быстро разделался с ролью главного банкира федеральной власти – он получил законную лицензию коммерческого банка штата Пенсильвания. К концу 1783 г. федеральная доля Банка Северной Америки, которая в предыдущий год составляла пять восьмых его капитала, была продана в частные руки, и государственный долг перед банком был погашен. Первый американский эксперимент с центральным банком завершился⁹².

К концу войны за независимость в результате сжатия раздутой массы бумажных денег и возобновления импорта из Великобритании цены за пару лет снизились более чем наполовину. В середине 1780-х гг. правительства нескольких штатов попытались ликвидировать «нехватку денег» и поднять цены, но тщетно. Одной из причин обращения штатов к эмиссии бумажных денег была попытка заплатить военные долги – штата и пропорциональную долю федеральных долговых обязательств, не прибегая к чрезмерному налогообложению. Но усиленная эмиссия бумажных денег просто обострила их «дефицит», поскольку стало выгодным вывозить монеты из страны, а импорт товаров относительно подешевел. Закон Грэшема сработал с обычной неумолимостью.

⁹² Ibid., pp. 409–410. О Банке Северной Америки и финансировании войны за независимость см.: Curtis P. Nettels, *The Emergence of National Economy, 1775–1815* (New York: Holt, Rinehart, and Winston, 1962), pp. 23–34.

Хотя закон обязывал всех принимать эмитируемые штатами бумажные деньги по номиналу, они быстро обесценивались, и нехватка металлических денег обострялась. Вот что пишет историк о бумажных деньгах Северной Каролины: «В 1787–1788 гг. серебряное содержание бумажных денег уменьшилось более чем наполовину. Металлические деньги уходили из штата, а бумажные деньги почти не пользовались спросом за его пределами, так что торговцы не могли их использовать для расплаты с зарубежными поставщиками; поэтому им приходилось нести значительные убытки, когда с ними рассчитывались этими обесцененными деньгами по внутренним обязательствам. Опыт Северной Каролины еще раз напомнил торговцам о пагубе обесцененных бумажных денег, которые им приходилось принимать от должников по номиналу, но которыми они не могли расплатиться со своими зарубежными кредиторами»⁹³.

После создания в 1782 г. Банка Северной Америки были учреждены и другие банки, но и это делу не помогло. Двумя годами позже были открыты Банк Нью-Йорка и Банк Массачусетса (Бостон), и каждый был наделен монополией на проведение банковских операций в своем штате⁹⁴. Налаженная ими эмиссия банкнот и чеков помогла выдать металлические деньги из обращения, а на следующий год на смену раздувания кредита пришло его сжатие, что усугубило пробле-

⁹³ Nettels, *National Economy*, p. 82.

⁹⁴ Hammond, *Banks and Politics*, pp. 67, 87–88.

му рецессии⁹⁵.

⁹⁵ Nettels, *National Economy*, pp. 61–62; Hammond, *Banks and Politics*, pp. 77–80, 85.

Соединенные Штаты: биметаллизм

Поскольку в колониальный период, а потом в период конфедерации значительную часть платежного оборота в США составляли серебряные испанские доллары, было решено, что именно «доллар» станет основной денежной единицей нового государства, Соединенных Штатов Америки⁹⁶. Раздел 8 статьи I новой конституции наделял Конгресс правом «чеканить монету, определять ценность ее и иностранных монет»; право было исключительным, потому что раздел 10 статьи I запрещал правительствам штатов чеканить монету, выпускать бумажные деньги и наделять что-либо кроме золотых и серебряных монет статусом законного средства уплаты долгов. (Создатели конституции США несомненно помнили безрадостную летопись эмиссии бумажных денег в колониальный период и во время войны за независимость, не забывали о жульничестве провинциальных властей с весом и достоинством монет.) В соответствии с этим правом Конгресс, следуя рекомендациям министра финансов Александра Гамильтона, содержащимся в написанном годом ра-

⁹⁶ Как сформулировал в то время Джефферсон, «доллар – это единица или монета известная и наиболее привычная. Он принят уже везде от Севера до Юга, он уже стал нашей валютой, так что у нас есть счастливая возможность использовать уже находящуюся в обороте денежную единицу» (Цит. по: J. Laurence Laughlin, *The History of Bimetallism in the United States*, 4th ed. (New York: D. Appleton, 1901), p. 11, n. 3).

нее «Докладе о создании монетного двора», принял в 1792 г. Закон о чеканке монет⁹⁷.

Закон о чеканке монет создал в Соединенных Штатах систему биметаллизма. Доллар был одновременно определен как эквивалент 371,25 грана чистого серебра и/или как вес 24,75 грана чистого золота. Таким образом, было зафиксировано стоимостное соотношение золота и серебра – 15 к 1⁹⁸. Каждый имел право принести на монетный двор слитки золота и серебра и получить монеты; золотые и серебряные монеты были в равной степени узаконенным средством платежа при фиксированном стоимостном соотношении 15 к 1. Основной серебряной монетой был объявлен серебряный доллар, а основной золотой монетой – десятидолларовая монета с изображением орла («орел»), содержащая 247,5 грана чистого золота⁹⁹.

Соотношение 15 к 1 почти идеально соответствовало пропорции рыночных цен на золото и серебро на начало 1790-х гг.¹⁰⁰, но вечная проблема биметаллизма в том, что цены на

⁹⁷ Текст Закона о чеканке монет от 1792 г. можно найти в: *ibid.*, pp. 300–301. См.: там же, pp. 21–23, а также: Barton Hepburn, *A History of Currency in the United States with a Brief Description of the Currency Systems of all Commercial Nations* (New York: MacMillan, 1915), pp. 43–45.

⁹⁸ В то время вес испанских долларов был легче, чем в предыдущую эпоху – всего 387 гран. См.: Laughlin, *History of Bimetallism*, pp. 16–18.

⁹⁹ Чеканились также золотые полуорлы (5 долл.) и четвертьорлы (2,50 долл.), с пропорциональным содержанием золота. В серебре чеканили полдоллара, четверть доллара, 10 центов и 5 центов с соответствующим содержанием серебра.

¹⁰⁰ В 1760 г. соотношение рыночных цен серебра и золота было 14,1 к 1, но

драгоценные металлы меняются, и не всегда в одном направлении, а при фиксации денежных курсов золотых и серебряных монет в такой ситуации немедленно начинает действовать закон Грэшема. В силу этого затея Гамильтона иметь в денежном обороте оба металла, чтобы гарантировать рынку наличие достаточного количества денег, была обречена на неудачу¹⁰¹.

Сторонникам идеи биметаллизма не повезло, потому что в 1780-х гг. начался тридцатилетний период быстрого роста добычи серебра в Мексике, так что относительно золота серебро все это время дешеVELO. В результате к 1790 г. рыночное соотношение цен упало до 15,5 к 1, а после 1805 г. – примерно до 15,75 к 1. В последнем случае разрыв между рыночной и официальной пропорциями стал достаточен, чтобы запустить механизм закона Грэшема, и к 1810 г. золотые монеты начали уходить из Соединенных Штатов, зато серебряные потоком хлынули в страну. Официально установленная цена серебра была сильно завышена, а золота – занижена, так что стало выгодно менять серебряные монеты на золотые, последние переплавлять в слитки и отправлять за границу. С 1810 по 1834 г. в Соединенных Штатах циркулировали исключительно серебряные монеты отечественной и иностран-

из-за падения добычи золота в России цена его выросла, так что серебро относительно подешевело.

¹⁰¹ Laughlin, *History of Bimetallism*, p. 14.

ной чеканки¹⁰².

В 1793 г. Конгресс постановил, что все циркулирующие в США монеты являются узаконенным средством платежа. Это было логично, потому что даже в 1800 г. 80 % монет, имевших хождение в США, были иностранной чеканки. Среди этих иностранных монет большинство составляли испанские серебряные монеты, и если к 1827 г. большинство монет иностранной чеканки были лишены привилегии являться узаконенным средством платежа, испанских долларов это не коснулось¹⁰³. Но вскоре испанские доллары оказались ненамного, на 1–5 %, тяжелее американских, хотя ходили по номиналу, так что стало выгодным отправлять их откуда прибыли – за границу, а на рынке США остались только доллары отечественной чеканки. С другой стороны, разменные испанские серебряные монеты – полтинники, четвертаки, гривенники и пяточки – были легче аналогичных американских монет, а ходили, опять-таки, по номиналу. В соответствии с логикой закона Грэшема скоро на рынках США остались только доллары отечественной чеканки и иностран-

¹⁰² Внятное объяснение того, как и почему менялась пропорция цен на золото и серебро, а также как действовал в этот период закон Грэшема, см.: *ibid.*, pp. 10–51. См. также: J. Laurence Laughlin, *A New Exposition of Money, Credit and Prices* (Chicago: University of Chicago Press, 1931), pp. 93–111.

¹⁰³ Эти «испанские» монеты чеканились почти исключительно в испанских колониях в Латинской Америке. После того как в 1820-х гг. эти страны добились независимости, их монеты продолжали ходить в Соединенных Штатах, но утратили статус узаконенного средства платежа.

ной чеканки разменная монета. Чтобы окончательно усложнить ситуацию, американские серебряные доллары, даже будучи легче испанских, были в ходу на островах Вест-Индии, где их принимали по номиналу. В результате серебряные доллары американской чеканки экспортировались в страны Карибского бассейна. Так что благодаря действию закона Грэхема в обращении в США не осталось золотых монет и серебряных долларов. Ничего, кроме серебряной разменной монеты испанской чеканки¹⁰⁴.

¹⁰⁴ Обо всем этом см. отличную статью: David A. Martin, "Bimetallism in the United States before 1850," *Journal of Political Economy* 76 (May – June 1968): 428–434.

Первый банк Соединенных Штатов: 1791–1811

Ядром финансовой программы Гамильтона был центральный банк, Первый банк Соединенных Штатов, который должен был заменить не справившийся с задачей Банк Северной Америки. В своем докладе о национальном банке (декабрь 1790 г.) Гамильтон настаивал на создании такого банка, причем он должен был быть частным, но с 20 %-ным участием государства. Гамильтон доказывал, что так называемую «нехватку» металлических денег следует преодолеть с помощью вливания в оборот бумажных денег, которые и будет эмитировать новый банк, а деньги следует тратить на выкуп государственных долговых обязательств и на субсидии промышленникам. Закон должен гарантировать обмен банкнот на металлические деньги по требованию, а чтобы их курс был таким же, как у звонкой монеты, федеральное правительство должно принимать банкноты в уплату налогов, что обеспечит бумажным деньгам статус квазиузаконного средства платежа. Кроме того, федеральное правительство будет держать свои денежные средства в этом банке, что обеспечит ему достаточный престиж.

Конгресс пошел навстречу пожеланиям Гамильтона и в феврале 1791 г. был создан Первый банк Соединенных Штатов. Лицензия гарантировала банку монопольный статус об-

ационального банка в течение двадцатилетнего периода. Знаком преемственности по отношению к Банку Северной Америки явилось то, что его президент и бывший партнер Роберта Морриса Томас Уиллинг был назначен президентом нового Банка Соединенных Штатов.

Банк Соединенных Штатов немедленно приступил к реализации своего потенциала – начал на основе собственных средств на 2 млн долл. металлическими деньгами надстраивать финансовую пирамиду – с помощью бумажных денег и депозитов до востребования – высотой в много миллионов долларов. Банк Соединенных Штатов ссужал большие средства правительству США. Помимо 2 млн долл., вложенных в покупку существовавшего долгосрочного долга, признанного новым федеральным правительством, Банк Соединенных Штатов предоставлял правительству ссуды на текущие расходы, которые к 1796 г. достигли 6,2 млн долл.¹⁰⁵

¹⁰⁵ Шульц и Кейн не одобряют этих операций: «Набрав кредитов у Банка Соединенных Штатов, федеральное правительство явно злоупотребило своими привилегиями и создало серьезную угрозу для стабильности Банка». Они также выдвигают обвинение, что федералисты взвалили на правительство обременительные расходы на вооруженные силы и на выплату процентов по долгам, которые грозили раздавить структуру федеральных финансов. Для повышения доходов правительство вводило один налог за другим, но все 1790-е гг. ему едва удавалось сводить концы с концами. (William J. Schultz and M. R. Caine, “Federalist Finance,” in *Hamilton and the National Debt*, G. R. Taylor, ed. [Boston: D. C. Heath, 1950], pp. 6–7).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.